

Виктория Черножукова
Владимир Веретенников

ЛИМБУС ПРЕСС

Виктория Черножукова

**Частные случаи
ненависти и любви**

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 791.43
ББК 85.37

Черножукова В.

Частные случаи ненависти и любви / В. Черножукова —
«Издательство К.Тублина», 2022

ISBN 978-5-8370-0928-0

Неожиданная находка в семейном архиве побуждает петербургскую студентку начать расследование, в котором ей помогает молодой журналист из Латвии. Шаг за шагом им открывается хроника превращения талантливого летчика в кровавого палача, а скромного учителя истории – в одержимого местью охотника за нацистскими головами. Каково это – узнать, что твой прадед, национальный латышский герой, на самом деле лично командовал расстрелами евреев во время войны? Ответ знают наши современники, Лиза и Юрий, чья лирическая история разыгрывается в декорациях современной Латвии, ставшей за годы отчуждения терра инкогнита для жителей России. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей в целом и историей Великой Отечественной войны в частности.

УДК 791.43
ББК 85.37

ISBN 978-5-8370-0928-0

© Черножукова В., 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Виктория Черножукова,
Владимир Веретенников**

Частные случаи ненависти и любви

© Виктория Черножукова, Владимир Веретенников, 2022

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2022

© Александр Веселов, оформление, 2022

Глава 1

– Ма-а-ам! Ты так прощаешься, как будто на сто лет расстаемся! Пока, пап! Все! Берегите себя! – Лиза коротко обняла родителей и еще раз приложила губами к маминой впалой щеке. – Я через пару недель вернусь. Вы с папой даже соскучиться не успеете!

Поезд Рига – Санкт-Петербург вот-вот должен был тронуться, и провожающие потянулись к выходу. Лиза энергично улыбнулась, послала воздушный поцелуй и тоже стала выбираться из вагона. На перроне она отыскала глазами окошко их купе, подошла и прижала к пыльному стеклу ладонь. Мама пыталась удержать на губах улыбку, но было ясно, что только нежелание расстраивать дочь мешает Айе Германовне расплакаться. Лиза погрозила пальцем: «Ты мне обещала, мама! Постарайся не очень сильно грустить. Пожалуйста!»

Стекло вагона глушило звук голоса, но мама поняла, кивнула, вытерла слезы, а папа покрепче обнял ее за плечи. Лиза еще раз махнула рукой, повернулась и пошла прочь.

Понятно, что мама убита горем – потерять отца очень тяжело. Если бы умер Лизин папа, она бы тоже плакала. Это естественно. Вот жил-жил родной человек, а потом вдруг раз – и нет. Дед Герман тоже родной, но в ее, Лизиной, жизни места практически не занимал – ни в детстве, ни тем более теперь: он был какой-то «колючий». Казалось, заберись к нему на колени – все себе оцарапаешь. Даже целовал внучку как-то нехотя, будто клевался. Вся нежность – денежный перевод ко дню рождения с краткой припиской.

Оказавшись на привокзальной площади, Лиза ждала трамвая недолго: бело-голубой вагон с троллейбусной штангой на крыше почти сразу выкатился из-за поворота. «Четверка» повезла Лизу к мосту через Даугаву и дальше в сторону Иманты. Она машинально листала глазами урбанистический пейзаж: трехногая телебашня на Закюсала, гигантский треугольник Национальной библиотеки, мемориальный комплекс в честь советских освободителей... В Риге она бывала сто раз, вряд ли за последние дни здесь что-то поменялось.

Дедова смерть не была неожиданной: за последние годы Герман перенес два инфаркта, все понимали, что осталось недолго, но все-таки надеялись... Две недели назад случился инсульт, с которым организм уже не справился. Айя Германовна тут же прилетела в родной город – ухаживать. Позже к ней присоединились муж и дочь. Только по большому счету ухаживать уже было не за кем: когда Лиза увидела деда, тот был на аппарате жизнеобеспечения, в сознание так и не пришел. В общем, попрощаться с ним как следует не получилось.

Похороны не произвели на Лизу особенного впечатления. Грустно, конечно, но маму было жалче, чем деда. На кладбище Лачупес было промозгло, несмотря на конец июня. Звучали бесконечные речи, потом, по обычаю, близкие и родственники кинули по горсти земли в открытую могилу, и Лиза со всеми. Затем крепкие парни, вооруженные лопатами, быстро закопали яму, ловко утрамбовали аккуратный холмик сверху. Вот, собственно, и все.

Родители после похорон смогли задержаться в Риге всего на пару дней. Хотели остаться, но работа... Перед отъездом Айя Германовна долго обнималась с вдовой – второй женой деда, с которой мама при жизни Германа сохраняла натянуто-дипломатические отношения. Видимо, винила ее в разводе родителей, хотя Лиза сомневалась, что флегматичная, с белесым лошадиным лицом Инта подходит на роль разлучницы, да и добрых лет десять прошло между разводом и следующим браком, но логика здесь была бессильна. Общее горе примирило женщин: они плакали, обняв друг друга, – родители чудом не опоздали на поезд. Хорошо еще, что Инта не поехала провожать родственников на вокзал.

По правде говоря, похороны вдову разбили и обессилили. За несколько дней из пожилой холеной дамы она превратилась в старушку: стала рассеянна, забывчива и постоянно плакала. Оставлять ее одну в таком состоянии было просто опасно, и Айя настоятельно попросила дочь

задержаться в Риге. Это было предложение из тех, от которых нельзя отказаться, и радости у Лизы оно не вызвало.

– Доченька! Мы ее единственные родственники! Хотя бы пару недель! В конце концов, ты уже взрослая. Должна понимать, что в жизни бывают ситуации, когда приходится чем-то жертвовать!

Ужасное занудство! Но пришлось остаться. И вот теперь она едет в трамвае обратно в Иманту.

Кажется, дед всегда там жил – в небольшом, но очень «европейском» двухэтажном нежно-розовом особняке в окружении аккуратного яблоневого сада.

«Жил. Теперь не живет». – Ей стало ужасно грустно. Лизе Герман запомнился холодным, методичным и трудолюбивым. Добротный набор качеств для профессионального историка, но совершенно неподходящий для хорошего деда. Он редко проявлял чувства – даже голоса не повышал. Случалось, иногда молча клал внучке руку на голову и гладил ее ото лба к затылку – это было высшим проявлением родственного участия.

Вот и дом. Лиза проскользнула в дверь, стараясь не шуметь. Ей сейчас не хотелось видеть Инту: все слова соболезнований, какие Лиза могла придумать, были сказаны еще на кладбище – о чем беседовать за чаем с убитой горем старушкой, она не представляла.

Увы! Едва Лиза переступила порог, тут же услышала: «Вернулась? Зайди ко мне, пожалуйста!»

Она послушно поплелась в старушкину «светелку». Густой запах валокордина встретил прямо в дверях.

– Как вы себя чувствуете, Инта? Может, заварить чаю? Или хотите, я что-нибудь приготовлю?

– Спасибо, дорогая. Не нужно. Давай лучше займемся чем-нибудь полезным. Горе надо проживать в труде, так говорила моя бабушка.

Родным языком Инты был латышский, но русским она владела безупречно, и хоть и не без акцента, но с приемной внучкой беседовала исключительно на нем.

– Ты же знаешь, что твой дедушка занимался наукой. Так вот остался его личный архив. Герман готовил книгу о тридцатых – сороковых годах. Это был очень непростой исторический период. Очень противоречивый. Нельзя, чтоб его труды пропали! Там собраны самые разные материалы: документы, свидетельства... Конечно, многое он публиковал, но не все, далеко не все. Думаю, ты, как будущий историк, сможешь отделить важное от неважного и разобрать архив до своего отъезда.

Лиза почувствовала себя Золушкой, которой вместо бала предстоит перебирать просо и сажать розовые кусты.

– А почему я? Наверняка у деда были аспиранты...

– Нет, моя дорогая. Обойдемся без чужих рук. Это меньшее, что мы можем сделать из уважения к его памяти.

«Мы?! – Лиза фыркнула. – Ну где справедливость?! Возись теперь с этой хренью, вместо того чтобы загорать в саду или купаться». Инта была подслеповата и не могла заметить ее скисшее лицо. «И почему, спрашивается, такая срочность? Что мешает отложить это дело на пару месяцев, а то и лет? Спасибо, мамочка! Удружила!» – сердито подумала Лиза, но спорить с Интой не стала. В конце концов, для вдовы, вероятно, разбор архива мужа кажется чрезвычайно важным и неотложным. Как там это называется у психологов? Замещение? «Ладно, чтобы просто посмотреть, что дед насобирал, много времени не потребуется. А надоест, скажу Инте, что дело ответственное, нужно разбираться без спешки. В любом случае через полгода опять приезжать придется, тогда и закончу», – думала она, устраиваясь за огромным дубовым столом.

Лиза вполне успешно училась на истфаке СПбГУ. История как наука ей нравилась, иначе вряд ли дотянула бы до конца третьего курса отличницей. Но сегодня заниматься архивной работой ей было лень. Она с тоской поглядела на Инту, которая что-то упорно искала на книжной полке.

В кабинете Германа витал траурный дух: окна зашторены, обширные стеллажи с книгами понемногу обрастали пылью, а на столе перед монитором выразительно белел лист бумаги, прижатый остро отточенным карандашом, как в мемориальном музее-квартире.

Инта наконец нашла что искала и подошла к окнам раздвинуть занавески. Солнечный свет тут же заполнил комнату.

– Тут личная переписка, которую я заберу. – Инта прошествовала от окна к двери. – Остальное лежит в ящиках стола. Вот ключи.

Она положила перед Лизой связку золотистых ключиков на старой витой тесемке.

– Ты, конечно, можешь не спешить. Сама решай, в каком режиме этим заниматься. Главное, чтобы ты успела просмотреть до отъезда все бумаги.

Она кивнула, и Инта выплыла за дверь. Оставшись одна, Лиза задумалась. В целом биография деда была ей известна. Герман родился в Риге, но часть детства провел в ссылке, куда угодил в трехлетнем возрасте вместе со своей матерью – Лизиной прабабушкой Магдой. После войны, в самом конце сороковых, их унесло волной очередных депортаций и прибило к берегу где-то в Сибири, откуда они вернулись уже в хрущевскую оттепель. Однако, если не считать это трудное время – основная тяжесть которого, к слову сказать, легла на плечи прабабки, – его жизнь текла плавно и гладко, постепенно прирастая достатком, почетом и бытовыми удобствами. Он закончил школу, потом Рижский университет по кафедре научного коммунизма, быстро защитил диссертацию и стал преподавать. В советской системе такая карьера сулила не только высокий доход и статус – она обеспечивала место в самом сердце идеологии, в зоне самой малой сейсмической активности, которую (до поры) не задевали никакие политические колебания. Дед всегда был человеком умным и мыслил стратегически.

В конце восьмидесятых, когда «Титаник» Союза неожиданно дал течь, Герман громко покинул КПСС, причем выбрал наилучший момент: ни раньше ни позже. Он сошел с тонущего корабля с достоинством, до того, как впавшие в панику люди начали топить друг друга в надежде обрести спасение за чужой счет.

В новой Латвии на руинах прежней идеологии немедленно проклюнулись и зазеленели свежие ростки – срочно понадобились опытные садовники. И Герман, будучи безусловным латышом, органично, без особенных колебаний принял новую идею. Из правоверного коммуниста он превратился в искреннего национал-либерала. Он по-прежнему преподавал в Латвийском университете, но вместо истории международного коммунистического движения стал читать лекции по теме «Латышский народ в период советской оккупации». Он искренне считал, что это его моральный долг – долг человека, пережившего в детстве сибирскую ссылку – изобличать советские зверства. Предыдущий период его жизни – под сенью кафедры научного коммунизма – как-то стерся и забылся. И другие не поминали Герману советское прошлое. Хотя бы потому, что так жили многие. Фактически Латвией правили бывшие обкомовцы, отрекшиеся от прежних идей и «переобувшиеся» в «национальные патриоты».

За двадцать семь лет независимости Герман выпустил три или четыре книги, посвященные проблемам политики СССР в Прибалтике; активно продвигал идею компенсации, которую должна выплатить Латвии Россия как преемница Советского Союза. Он давал интервью самым разным СМИ в качестве «признанного эксперта», «видного ученого-историка» и считался непререкаемым авторитетом в любых вопросах, связанных с оккупацией. Он не был националистом, а потому его мнение считалось независимым и научным.

Лиза догадывалась, что дед не идейный. Ни раньше, ни теперь не существовало в его жизни таких убеждений, ради которых он стал бы жертвовать бытовым комфортом. Возможно,

поэтому он легко принаравливался к обстоятельствам и был любим всякой властью. В общем, Лиза практически не сомневалась, что архив Германа будет предсказуемо скучноват: «Записки убежденного конформиста».

Она осторожно вытряхнула на стол содержимое верхнего ящика. Бумаги оказались на трех языках: латышском, английском и русском. Английский, как воспитанная барышня, Лиза знала вполне, да и латышский – прилично, все благодаря Айе, которая, наученная жизнью не питать иллюзий относительно будущего, не исключала возможность смены российского гражданства на европейское и хотела, чтобы у дочери, если что, не возникло проблем с ассимиляцией. В Петербурге, конечно, в латышском языке особенно не попрактикуешься, но навещая деда, Лиза не упускала случай закрепить навык.

Большая часть документов была аккуратно рассортирована по толстым папкам и, скорее всего, представляла собой материалы к лекциям Германа: брошюры, тетради, отдельные испи-санные листочки из блокнота. Там же хранились документы и записи, относящиеся к расчетам оккупационной компенсации.

В других ящиках лежали черновики дедовых работ по истории Латвии: Первая Республика, война за независимость, империя, остзейские немцы, шведы, герцогство Курляндское, Ливонский орден, древние латышские княжества... Она пролистывала записи, не углубляясь в подробности.

«Что я тут делаю? – она начинала злиться. – Инта всерьез думает, что я буду тратить свое время на разбор этой макулатуры?!»

На последнем, нижнем правом ящике Лизино терпение лопнуло. Ничего сверхценного про тридцатые – сороковые, на что туманно намекала Инта, в бумагах не было.

Лиза выбралась из-за стола, потянулась. Эта бессмысленная возня поглотила целый день! Она сердилась на маму и на Инту, хотя Инту обычно всегда жалела. У той не было близких родственников – одна на свете. Илзе – Лизина родная бабушка, в честь которой ее и назвали – умерла, кажется, году в девяностом. Мама тогда училась в Ленинградском университете на журфаке, и отец там же, в аспирантуре... Мама много лет не могла успокоиться, что дед снова женился – не могла смириться с мачехой. Поэтому, наверное, не вернулась в Ригу, а осталась в Петербурге с папой... Лиза почувствовала жалость к Инте и одновременно пощипывание совести: неужели так трудно посмотреть в этот дурацкий последний ящик ради бедной одинокой старушки?!

В ящике – слава Макаронному Монстру! – обошлось без папок. Вместо них на дне лежал старомодный черный дипломат – такой большой, что Лиза с трудом вытащила его наружу. И сразу же выяснилось, что он заперт. Интрига! Что, интересно, дед мог так тщательно прятать в собственном доме? И от кого? Под двумя-то замками!

Она пошарила в ящике, но ключа не нашла. Ерунда какая-то... Лиза положила руки на стол, уткнула подбородок в скрещенные кисти и приуныла. Однако с этой точки ее взгляд обнаружил на книжной полке маленький черный пенальчик, сделанный из такой же гладкой кожи, что и таинственный портфель. Внутри был ключ.

«Это судьба!» – Лиза приободрилась и принялась за замки.

Первое, что она увидела, подняв крышку дипломата, – старая черно-белая фотография с волнисто-кружевным срезом. На ней был запечатлен брутальный красавчик лет тридцати в кожаной куртке и летном шлеме. Лицо мужчины было крепким, скуластым, с удлинёнными «арийскими» чертами: прямой хищный нос, квадратный подбородок, разделенный посередине пикантной ямочкой. Голливуд курит в сторонке! Летчик смотрел насмешливо, с некоторым вызовом, и это показалось Лизе особенно привлекательным. А еще ей показалось, что он очень похож на Германа с того снимка, который выбрали для церемонии прощания – на нем деду было не больше сорока. Впрочем, Герман объективно был пожиже...

Она перевернула фотографию. Тогда было принято писать на обратной стороне что-нибудь в духе: «Люби меня, как я тебя! Милой имярек от сердечного друга». Однако снимок адресатов не имел.

Следом она достала из дипломата увесистый холщовый мешочек, в котором лежал какой-то старинный орден: десятиконечная звезда – такое ощущение, что золотая. Разновеликие лучи – длинные и короткие – чередовались, а центр занимал круг синей эмали, в котором поблескивали расположенные треугольником три маленькие пятиконечные звездочки. Вокруг синей сердцевины шла надпись на латышском: «За Отечество», а над буквами виднелась тоненькая полоска орнамента. Была бы под рукой лупа – Лиза рассмотрела бы поподробнее.

Под мешочком лежала пухлая канцелярская папка. Лиза развязала тесемки и наткнулась на крайне ветхую газету. Название было набрано готическим шрифтом. Дата выглядела солидно: 26 мая 1934 года. На первой же странице она обнаружила уже знакомого летчика. Теперь он стоял на небольшой трибуне, окруженный внушительной толпой. Шею нашего героя украшал довольно дурацкий, на Лизин вкус, лавровый венок, а правая его рука стремилась вверх в приветственном жесте. Под газетным снимком была подпись. Лиза перевела: «Сегодня капитан Герберт Мелдерис вернулся из Гамбии».

Прежде эту фамилию Лиза точно не слышала. Если бы он был им родней, дед не премировал бы его отметить на генеалогическом древе. Единственном темным местом на этом древе было происхождение самого Германа Медемса. Дед рос без отца, фамилию унаследовал от матери. И всегда пресекал любые разговоры на эту тему.

Подушечки пальцев словно кольнули иглы: Лиза почувствовала себя на пороге открытия.

«Вряд ли сейчас в Риге найдется человек, который бы не слышал о капитане Герберте Мелдерисе. Его подвиг стоит вровень с заслугами знаменитого американца Чарльза Линдберга! Вчера капитан Мелдерис вернулся из длительного путешествия в Гамбию, совершенного на самолете собственной конструкции. Он избрал такую цель для своего перелета, поскольку Гамбия около трех веков назад была колонией Латвии и лишь потом перешла под власть Англии. Дважды герой в одиночку пересекал смертоносную пустыню Сахара, и оба раза остался невредимым. Герберт Мелдерис пролетел над пустыней 1500 километров с посадкой в одном-единственном оазисе! “Мне просто повезло. Счастлирое стечение обстоятельств!” – скромно прокомментировал свой полет господин Мелдерис, молодой здоровый мужчина атлетического сложения».

В папке лежали другие газеты и отдельные вырезки, более поздние – за июнь 1936-го. Одна из статей оказалась на русском, причем частично в дореволюционной орфографии – с ятями, но без твердых знаков на конце.

«Вчера в 3:20 дня в Шанхай прилетѣл из Циндао извѣстный латвїйскїй летчик капитан Герберт Мелдерис, совершающїй кругосвѣтный полет на аэропланѣ своей собственной конструкции. Как извѣстно, капитан Мелдерис не так давно посѣтил Шанхай, отправившись отсюда в Японїю. Вечером представители мѣстной латвїйской колонїи чествовали храбраго летчика».

Лиза с трудом распрямила онемевшую ногу. Даже не заметила, что отсидела. Похоже, дед занимался не только скучными цифрами. История некогда знаменитого летчика тянула на серьезную научную работу. И этот орден. Он наверняка очень ценный и – почему нет? – мог принадлежать этому голливудскому капитану.

Там еще были вырезки на английском и, кажется, на шведском. Господин Мелдерис оказался парень не промах: кто только о нем ни писал! Лиза пролиставала статьи. Во всех шла речь об одном и том же: о беспримерных подвигах. То он в Африке, то в Юго-Восточной Азии, и везде его встречали «с воодушевлением». Латышские газеты упоминали, что из-под пера Мелдериса в ближайшее время выйдут две книги: путевой дневник «Мой полет в Гамбию» и художественный роман «Между землей и солнцем» про приключения летчика.

Получалось, что дарования героя не ограничивались внешностью, храбростью и инженерными способностями. Живи Лиза в тридцатые, точно влюбилась бы.

В дипломате были и другие фотографии: Герберт в кабине самолета широко улыбается перед вылетом; Герберт – на сей раз без летной униформы, но в безупречно сидящем костюме – раздает автографы восторженным читательницам; Герберт на приеме у главы государства, президента Латвии Карлиса Ульманиса.

Лиза погуглила. Более-менее внятная статья про летчика-изобретателя нашлась только в латышскоязычной «Википедии»:

«Герберт Мелдерис родился 4 (17) апреля 1900 года в городе Виндава (нем. Windau) (с 1917 года – Вентспилс) в семье слесаря Яниса Мелдериса. В 1917 году, желая избежать мобилизации в германскую армию, он покинул оккупированную немцами Виндаву и бежал в Россию. В 1919 году начал службу в армии Латвийской Республики. Был зачислен в пехотный батальон пулеметчиком. Участвовал в боях с Красной армией, получил за храбрость чин сержанта. Поступил в авиационную школу и вскоре стал одним из лучших военных летчиков Латвии. Увлекался конструированием летательных аппаратов.

Демобилизовался в 1924 году с официальной формулировкой “по собственной воле”, однако в ряде источников упоминается, что причиной была целая серия дисциплинарных проступков, в числе которых – самовольный пролет под мостом и проезд по городским улицам в самолете без крыльев. (“Вот не давали парню покоя лавры Чкалова!” – хмыкнула про себя Лиза.)

Вскоре Герберт Мелдерис вернулся на службу и в 1930 году был вторично уволен за контрабанду спиртного из Эстонии. Он скрывался от кредиторов и был объявлен банкротом. Все его имущество было распродано на аукционе, и он работал шофером и экспедитором.

Позже серьезно занялся конструированием. На самолете собственного изобретения “М-П Молниеносный” с мотором, собранным из двух двигателей “Рено”, в 1933 году Мелдерис совершил рекордный для того времени перелет в Гамбию, а в 1936 году – перелеты в Токио и в Палестину.

По возвращении в Латвию он стал национальным героем. 25 мая 1934 года (через десять дней после государственного переворота, который возглавлял Карлис Ульманис) был восстановлен в армии и повышен в звании до капитана.

Герберт Мелдерис был человеком прогрессивных взглядов и придерживался гуманистических идей, опередивших свое время. Так, в своем дневнике он писал: “В полете надо питаться тем, что есть, но когда вернусь в Ригу, то обязательно стану вегетарианцем. Противна жестокость, с которой люди уничтожают все живое, чтобы насытиться”.

С началом советской аннексии в 1940 году Мелдерис был уволен из армии, но в 1941 году был приглашен в Москву, в КБ Яковлева, где его рассчитывали привлечь к работе над созданием самолетов для Красной армии. Однако сотрудничать он отказался.

По непроверенным данным, вплоть до 1945 года Мелдерис служил в Латышском легионе. Сведений о его судьбе после окончания Второй мировой войны не обнаружено».

Лиза вдруг поняла, что страшно проголодалась. Она сходила на кухню, приготовила себе длинный бутерброд из целого багета, домашнего масла и сыра с паприкой, заварила чай в бульонной чашке. Все это вместе с сахарницей и горстью шоколадных конфет она на подносе принесла в кабинет и пристроила рядом с письменным столом. Теперь можно было сидеть хоть всю ночь.

Она откусила внушительный кусок от своего исполинского бутерброда и положила в чашку несколько пористых кубиков сахара. Погружаясь в чай, кубики желтели, теряли форму и в конце концов ложились на дно светлым холмиком.

«Вот так и Мелдерис, – подумала Лиза, – пропал, растворился, как кусок сахара в чашке. В огромной чашке войны. Весь этот милый мир с беспосадочными перелетами, приключенче-

скими романами и конструированием самолетиков в сарае смыло кровавым кипятком, и всем стало не до умного, красивого, храброго и талантливого Герберта Мелдериса. Ничего после него не осталось: ни могилы, ни родни, чтоб за могилой ухаживать».

Лиза почувствовала такую горечь, как будто сама оказалась забытой и ненужной. Этот летчик уже представлялся ей родным если не по крови, то по авантюрному складу характера, бесстрашному отношению к жизни. И почему, кстати, не по крови? Мелдерис вполне мог быть отцом ее деда! Они ведь так похожи с Германом. Вряд ли это «простое совпадение». Особенно памятуя о той награде в холщовом мешочке, которую Лиза нашла в дипломате. Несомненно, она принадлежала Герберту Мелдерису (наугадить, что это был орден Трех звезд, высшая государственная награда Латвии, оказалось минутным делом).

Но почему Герман никогда не говорил об этом герое-летчике? Зачем так тщательно прятал документы? Сомневался? Хотел прежде все проверить?

«Сама разберусь! С кем-то же дед делился, советовался? Во-первых, Инта. Во-вторых, коллеги. В-третьих... Ладно, пусть сначала “во-первых”...» – Лиза допила холодный чай, по вкусу похожий на сладкое мыло, и хрустнула остатками багета. Часы показывали половину шестого утра. Вряд ли Инта в такое время будет расположена к беседе.

Пришлось отправляться в свою комнату и ждать, пока старушка проснется. «Уж я-то точно заснуть не смогу!» – подумала Лиза, закрывая глаза.

Лиза проснулась, когда солнце уже вознеслось над соседской крышей и стало нестерпимо палить в лицо. С Интой она встретилась на кухне – та как раз намеревалась обедать.

– Дорогая, ты сегодня поздно встала. Плохо себя чувствуешь или провозилась допоздна с архивом?

– Провозилась, – улыbnулась Лиза. – Сейчас выпью кофе и снова заживу. Давайте, я вам тоже сварю? Как вы любите, чтобы сразу на молоке.

– Спасибо, моя милая! Это приятно. Я обычно днем кофе уже не пью, но сварь мне самую капельку.

Лиза налила в крошечную фарфоровую чашечку Ломоносовского завода (родительский подарок Инте на Рождество) кремowego цвета кофе, себе плюхнула угольно-черного из самой большой турки в толстостенную керамическую кружку и спросила:

– Инта, вы что-нибудь знаете о Герберте Мелдерисе?

– О Мелдерисе? Знакомое имя... Кажется, был такой летчик, но я не уверена... Почему ты о нем вспомнила?

– Да. Летчик. Дедушка о нем говорил?

– Герман? Не помню... Может быть... У него был весьма широкий круг интересов.

Похоже, тут ловить нечего: или Инта действительно не знала, или просто ленилась ворошить слежавшуюся память.

– Инта, а вы не знаете, кто из дедушкиных коллег может мне помочь в этом вопросе?

– Ну, у меня есть телефон Гунтиса. Гунтиса Упениекса. Он специалист по истории Латвии. Профессор. Они с Гербертом много лет приятельствовали. Помнишь его? Он был у нас в прошлом году, когда ты гостила.

Лиза сразу вспомнила пожилого, но ужасно импозантного преподавателя истории и философии, дедушкиного коллегу по Латвийскому университету. Он расспрашивал ее о жизни в России. Такой милый дядька с профессорской бородкой и морщинами в уголках глаз. Он хвалил Лизин латышский и не кривился от ее акцента. А ведь обычно латыши так трепетно относятся к звучанию своего языка, что предпочитают не говорить на нем с иностранцами. Выбирают русский или английский. А Упениекс говорил с Лизой по-латышски, милосердно игнорируя ее фонетические преступления: значит, принял, считал «своей». На прощание профессор оставил ей – лично! – свою визитную карточку, словно она была интересным собеседником, а не просто внучкой старого приятеля.

Лиза позвонила не откладывая. Профессор сразу ее вспомнил: «Какое горе для всех нас, примите мои искренние соболезнования». Посетовал, что научная конференция в Вене не позволила ему присутствовать на похоронах, но он всегда будет помнить, скорбеть, и если ей, Лизе, что-нибудь понадобится, то она не должна стесняться, и все, что в его силах... Лизе, конечно, тут же понадобилось. Упениекс если и удивился, то виду не подал, и сразу согласился встретиться: «Я только вчера вернулся, а сегодня целый день должен быть на факультете. Приходите как сможете. Вы знаете куда? Да. Бульвар Аспазии, пять. Я вас встречу».

Вечер был нежен, поэтому они устроились на бульварной скамейке под деревом и сначала просто умиротворенно молчали, повернув к солнцу лица. «Интересно, что про нас думают? Какая-то студентка сидит с господином профессором Гунтисом Упениексом. А если окажется, что я права насчет героического летчика? Тогда уже будут думать: какой-то профессор сидит с правнучкой самого Мелдериса!» – улыбнулась про себя Лиза.

– Итак, юная леди, чем вам помочь?

– Гунтис, я так вам признательна! Мне очень нужна информация о Герберте Мелдерисе, а я даже не представляю, где искать!

– Судя по всему, вас интересуют источники? Интернет в вашем случае не помощник. Но почему именно Мелдерис?

Лиза принялась рассказывать, стараясь быть убедительной. Сейчас, когда она проговаривала вслух версию о тайне дедушкиного рождения, эта история – такая очевидная ночью – казалась какой-то жалкой и несостоятельной. Будто она героиня пошлого ток-шоу, которая выдает себя за родственницу звезды, чтобы получить хоть минуточку славы и внимания.

Упениекс слушал, время от времени одобрительно кивал. Когда рассказ девушки иссяк, он, держа задумчивую паузу, достал из кармана манерный серебряный портсигар.

– Вы позволите?

Лиза кивнула. Гунтис закурил, выпустив дым таким образом, чтобы не тревожить обоняние собеседницы.

– Все это весьма интересно... Я не исключаю, что ваше предположение о родстве Германа и Герберта Мелдериса может оказаться правдой. Совсем не исключаю! Мелдерис до войны был очень популярен в Латвии. Как бы сейчас сказали, суперзвезда: летчик, герой, красавец. А ваша прабабушка была из старинного рода, с традициями. Медемс в Латвии – это как, например, Долгорукие в России... Но я, к сожалению, мало чем могу помочь. До сорок первого года жизнь Мелдериса проходила весьма публично: статьи в газетах, много фотографий. А с началом боевых действий он как будто превратился в невидимку. Есть документальное свидетельство, что в сорок третьем он вступил в легион «Ваффен-СС». Но больше мне ничего не известно...

Упениекс снова задумался. Лиза терпеливо ждала. Аббревиатура «СС» ее совершенно не смутила. Ватную пропаганду, трубившую в канун Девятого мая на всех углах: «Не забудем, не простим», она глубоко презирала. Лучше бы о заградотрядах Смерша рассказывали! О том, сколько их хваленые советские маршалы людей положили зазря! Здесь легионеры хоть за свободу Латвии сражались.

– А знаете, возможно, вам что-нибудь удастся узнать в Даугавпилсе.

Лиза удивленно посмотрела на профессора. Это было одно из немногих мест в Латвии, где она ни разу не бывала.

– Почему именно в Даугавпилсе?

Упениекс, кажется, почувствовал себя неловко. Выглядело так, будто он в приличном обществе начал рассказывать анекдот и вдруг понял, что в конце – сплошной мат.

– Видите ли, по некоторым данным, в сорок втором Мелдерис получил какой-то пост в городской администрации. Точно не скажу, но возможно, там сохранились документы или

какие-то свидетельства. В конце концов, в Даугавпилсе есть свои краеведы, они наверняка более компетентны.

– Спасибо, Гунтис! Вы не представляете, как я вам благодарна – и за встречу, и за разговор! Одного не понимаю: Мелдерис – национальный герой, знаменитый летчик, авиаконструктор, писатель. Почему никто не взялся за его биографию?

Профессор еще больше смутился, неловко сгорбился и спрятал ладони под мышки.

– Понимаете, в Латвии сейчас перед наукой стоит очень важная задача. Все ресурсы направлены на другой исторический период – время, когда наша страна находилась под оккупацией СССР... Необходимо как можно более полно зафиксировать все преступления советского режима, пока живы свидетели, пока большинство документов доступно.

Лиза понимающе кивнула. Упениекс тепло улыбнулся девушке.

– Возвращаясь к Мелдерису: его фигура, честно сказать, связана с определенными рисками...

– Что значит «связана с рисками»?

– Во-первых, его служба в легионе... Поймите меня правильно: конечно, ничего зазорного в этом нет. У нас никто не сомневается, что легионеры только формально были на стороне Германии. Их истинная цель – освободить Латвию от коммунистического диктата. Попытки путинской пропагандистской машины это извратить – просто смешны. Они не выдерживают никакой критики! Но приходится признать, что иногда в рядах легиона оказывались люди... с сомнительным прошлым. Сами понимаете: в бочке меда есть ложка дегтя – так, кажется, у вас говорят? В общем, если выяснится, что Мелдерис запятнал себя чем-то предосудительным, то Москва или, например, тот же Израиль начнут мусолить подробности...

Лиза больше не могла сдерживать возмущение: в чем таком предосудительном мог быть замешан этот благородный человек, которому даже животных было жаль! И это в то дремучее время, когда большинство людей о вегетарианстве даже и не помышляло!

– Простите меня, Гунтис, но я уверена, что самые большие грехи Герберта Мелдериса – пренебрежение дисциплиной и готовность раздавать автографы влюбленным девицам!

– Скорее всего, вы правы, – улыбнулся ее пылкому замечанию Упениекс. – Дерзайте! В конце концов, кто, если не вы! М-да... Судя по напору, вы, безусловно, правнучка своего прадеда! Герман ни с кем не говорил об отце, хотя, конечно, что-то знал... Но до провозглашения независимости времена были не такие, чтобы заниматься генеалогическим каминг-аутом, а после... возможно, не успел... Да! Чуть не забыл! Хотел вам кое-что отдать. Это принадлежало вашему покойному дедушке.

Профессор порылся у себя в планшетной сумке и вынул небольшую плотную пластиковую папку-конверт.

– Вот. Лежало на кафедре. Когда Инта забирала вещи, меня не было, вот и забыли про конверт.

Лиза тут же заглянула внутрь: пара ветхих документов, точнее, на первый взгляд листочки напоминали документы: вензеля, штампы.

– А что тут за бумаги?

– Свидетельство о браке и свидетельство о рождении. В общем, все это ваше. Сами сможете во всем разобраться. А теперь позвольте мне откланяться. Только вернулся, тут же навалились дела. Был безмерно рад вас видеть и надеюсь, что эта наша встреча не последняя.

Он встал, Лиза подскочила следом. Гунтис на мгновение тронул ладонями девушку за плечи – видимо, этот жест обозначал объятия – и направился к зданию факультета, она же не торопясь зашагала в сторону трамвайной остановки. Ей было о чем подумать.

Добравшись до дома, Лиза укрывшись в своей комнате. На кровати и на полу она разложила содержимое портфеля, присовокупив те два документа, которые передал ей Упениекс. Один листочек был на немецком – сплошь ломаная готическая гарнитура, – но распознаватель текста

совместно с гугл-переводчиком не дали пропасть. Это было свидетельство о браке Герберта Мелдериса и Магды Медем, заключенном 22 мая 1943 года. Вторая бумажка, оформленная куда скромнее, была советского образца и, естественно, на русском: свидетельство о рождении Германа Медемса от 10 июня 1945 года, выданное в городе Риге. Мать – Магда Медем, а в графе «отец» – прочерк.

Лиза как заведенная расхаживала по комнате взад-вперед. Все сходится! Какие могут быть сомнения? Герман действительно был сыном Герберта! То, что в свидетельстве о рождении Магда не указала отца, произошло потому, что Красная армия тогда уже взяла Ригу, и по очевидным причинам мать решила скрыть происхождение ребенка. Разумно. Лиза бы тоже не стала афишировать. Нечего тянуть! Надо скорее ехать в Даугавпилс! Собрать максимум материала и тогда... Что именно случится тогда, она еще не придумала, но, например, почему бы ей не взять себе двойную фамилию: Елизавета Сперанская-Мелдере?

– Зачем тебе в Даугавпилс? Ты же там никого не знаешь. – Инта изумленно смотрела на Лизу поверх очков. Свет из-под икеевского абажура, похожего на бочонок, придавал ее лицу сходство с совиным. – Была я там лет десять назад. Ужасный город: советский индустриальный стиль, одни русские, грязь и свинство. Ничего хорошего в таком месте быть не может!

Лиза присела перед ее креслом на корточки, накрыла, мягко поглаживая, ее руки своими ладонями.

– Я все понимаю. Если вы против, конечно же, я останусь. Но мне нужно туда съездить ради дедушки. Его архива. Это важно. Касается истории нашей семьи... Обещаю, что вернусь как можно скорее!

– Ну если это так необходимо... Но пожалуйста, не забывай звонить и не очень там задерживайся.

– Обещаю!

Лиза аккуратно поцеловала Инту в обе щеки и улизнула обратно к себе. Надо было лечь пораньше, чтобы не проспять первый поезд на Даугавпилс. Автобусом тоже можно, но поезд – это гораздо романтичнее, да и удобнее.

В семь утра, бодрая, как персонаж из рекламы кофе, она уже маячила на перроне. Лиза умудрилась обойтись одной дорожной сумкой, чем заслуженно гордилась. При том что в Даугавпилсе, возможно, придется задержаться на пару дней. Ночевать она решила в гостинице «Латгола», которая, если верить отзывам в Сети, вполне для этого годилась.

В вагоне было от силы человек пять. Лиза развалилась одна на двух креслах и стала смотреть в окно. Все складывалось совсем не так тоскливо, как ей казалось еще пару дней назад. Разыскать следы красавца-летчика, которого она уже с полной уверенностью считала прадедушкой – само по себе захватывающее приключение. А кроме того, историческое расследование такого рода – настоящая сенсация. Она напишет работу! Как водится, понадобятся соавторы с авторитетными фамилиями. Но ее имя будет в этом списке первым! В двадцать один заслужить признание в научной среде – это неплохой старт для карьеры. Совсем неплохой. Ей грезилась заголовки в новостных лентах: «Латвия обрела имя забытого героя», «Беспосадочный перелет через забвение» и прочее в том же ключе. Утреннее солнце, как блеск славы Герберта Мелдериса, грело ее лицо через оконное стекло. Она прикрыла глаза и задремала.

Глава 2

Герберт нет-нет да вспоминал о Линде, хоть времени уже прошло... год? Давно пора бы забыть! Что такого особенного было в этой латгальской простушке? Невысокая, скуластая, с прямыми, как прошлогодняя осока, волосами... Еще глаза! Такие светлые, что кажется – итальянское стекло, а не живая плоть. Вот об это стекло его сердце и порезалось. Черная точка зрачка, потом радужка – муранский муар, и по границе – узкий темный ободок, как черненное серебро... Ресницы густые, словно еловая чаша – неба не видно. И выражение лица всегда безмятежное, чистое. Зря начал вспоминать. Опять всколыхнулось! Тоскливо засосало внутри. Герберт снова рассердился: «Дура бестолковая! Кукла восковая!» Но рассердился скорее на себя.

Вообще, мужчин, которые от страсти к какой-нибудь мадам спускали целые состояния, влезали в долги или совершали иные глупости, Мелдерис презирал и считал слабаками. Удача таких не любит! Да и сам слабый пол рохлей не жалуется. Женщины с такими играют только, а любовь дарят тому, у кого сильная рука, кто их капризам не потакает. Сильная рука везде нужна: и с дамами, и с самолетами...

Мелдерис был человеком стальной воли: решил – сделал. Для него слово «невозможно» не существовало. Это для других – тех, кто пожиже, кто умом или характером не вышел. Он вспомнил, как в Гамбии, сразу после перелета, какой-то журналистишка – улитка в пиджаке – все допытывался: «Было ли вам страшно?» да «Что вы чувствовали?». Не объяснишь трусливому хлыщу, что страх – это враг, один из многих, а он, Герберт, на то и мужчина, чтобы побеждать врагов. Любых. Всех. Он никогда не сдаётся, поэтому всегда первый.

Всегда, да не всегда... Линда! Однако если быть до изнанки честным – не в девушке дело. Вернее, не только в ней. Конечно, барышня привлекательная: с формами, держалась скромно и одновременно расковано. В общем, герой-летчик пленился – обычное дело: Герберт любил женщин, а женщины любили его. В каждом городе, где он задерживался хотя бы на пару дней, без амурных историй не обходилось. И чаще всего не ему, Герберту, приходилось добиваться неприступных красавиц – красавицы сами искали встреч, назначали свидания. И не какие-нибудь экзальтированные пигалицы, нет – дамы с положением, с состоянием! А простушка Линда ему – известному летчику, популярному писателю, национальному герою (этим титулом его сам президент Ульманис величал, когда награждал орденом Трех звезд), к тому же, чего уж скромничать, очень импозантному мужчине – предпочла какого-то молокососа, да к тому же из жидов. Жалкого человечешку. Такого и соперником-то назвать стыдно!

Он и сам понимал, что лучший выход – перестать ворошить память. Забыть, как будто ничего и не было. Только так можно сохранить достоинство. Однако снова крутил в голове эту глупую историю эпизод за эпизодом, словно расчесывал зудящую язву.

Прошлой весной, когда он оказался в Даугавпилсе по казенной надобности... Всего-то времени прошло, а кажется – в другой жизни. И власть изменилась, и доходы... Он тогда мог себе многое позволить и, что греха таить, позволял. Например, ежедневно ужинать в «Авотиньше».

А теперь! Пришлось втянуть голову в плечи и не высовываться. На офицерский корпус бывшей армии бывшей Латвийской Республики (какое ужасное, безысходное слово – «бывшей») Советы обрушились со всей пролетарской ненавистью: арест за арестом. За ним тоже могли прийти в любой момент. Мелдерис, никогда не бегавший от опасности, при мысли об НКВД чувствовал не просто страх – панику: ноги ватно подгибались, по позвоночнику полз влажный озноб. Сколько ему еще оставаться на свободе? Судя по всему, не так уж и долго. Надо все-таки попробовать сбежать за границу, пока есть возможность... Шансы, конечно, не велики, но он должен попытаться. Тихая безопасная Швеция так близко. Герберт не сомне-

вался, что там его, прославленного авиатора, примут со всем уважением. Да к черту уважение! Просто жить, не ожидая ежесекундно ареста, обедать в хороших ресторанах, ухаживать за женщинами...

С женщинами он теперь будет особенно осторожен. Только замужние скучающие дамы, чтобы ничего серьезного. И никаких миленьких барышень, особенно из obsługi. Потому что Линду он впервые заметил, когда она, словно танцует между столиками в «Авотиныше», несла поднос с круглобкой бутылкой коньяка. Такая ладная девушка... Невысокая, крутобедрая – земная – и в то же время ловкая, как циркачка. Движения ее казались одновременно текучими и упругими. Герберт подумал: положи ей сейчас руку на бедро – услышишь ладонью, как бьются под кожей гейзерные источники. Тем вечером он уже изрядно пригубил и, конечно, стал легкой мишенью для стрелы Амура.

Она уже поставила на стол бокал и невысокую толстостенную бутылочку, которую хозяин – шельма! – нарочно ведь присыпал пылью, чтобы та выглядела древней и дорогой.

– Господин желает что-нибудь еще? – Барышня не смотрела в глаза, но голос ее показался Герберту теплым – таким теплым, как парное молоко.

– Господин очень хотел бы узнать ваше имя, красавица.

– Линда Вилцане...

Она покраснела и, казалось, занервничала. Даже странно как-то... Здешние работницы должны бы привыкнуть к знакам внимания со стороны посетителей.

– Какое у вас красивое имя! Вы латышка?

– Нет, латгалка.

– Не знай я этого, принял бы вас за испанку. Только глаза у вас такие светлые... Вы бывали в Испании?

Он надеялся, что барышне польстит сравнение и она станет поживее.

– Нет... Простите... Я не могу долго задерживаться. Еще раз простите, господин...

– Капитан Мелдерис. Герберт Мелдерис.

– Очень приятно, господин капитан.

Она присела в каком-то недокниксене и умчалась, подхватив, как щит, опустевший поднос. Герберт понял, что эта наяда никогда не слышала его имени. Вот так номер! Конечно, раньше газеты писали о нем куда чаще, чем теперь, но все-таки... Не на необитаемом же острове она росла!

Мелдерис оставил очень щедрые чаевые. Очень. Вряд ли дуреха вообще когда-нибудь держала в руках такие деньги. А заодно он узнал, когда Линда заканчивает работу. У нее самой, конечно, спрашивать не стал. В искусстве любви сюрпризы – верное средство.

Он ждал за рулем авто, складной брезентовый верх был откинут по случаю хорошей погоды, а на заднем сиденье покоилась корзинка с цветами. Пунцовые розы и гвоздики – Герберт давал понять, что сгорает от страстной любви. Скорее всего, девица не сильна в языке цветов, но хуже не будет.

Линда по сторонам не смотрела. Не успела захлопнуть за собой ресторанный дверь, как уже летела, забавно прицокивая каблуками по дороге. Герберту пришлось спешно трогаться с места, чтобы ее не упустить. Получилось не слишком эффектно. И когда он окликнул красотку по имени, та скорее раздосадовалась, чем была польщена вниманием блестящего офицера.

– Яункундзе! Вилцане! Вы, верно, устали сегодня. Позвольте подвезти вас?

– Ой, это вы, господин капитан... Благодарю, но я живу недалеко и люблю возвращаться пешком.

¹ Барышня, мадемуазель (*латыш.*).

Герберта позабавило и немного тронуло то достоинство, с которым провинциальная официанточка отказывалась принимать самые невинные знаки внимания. Девушка будто вовлекала его в неизвестную игру. Ну что ж, превосходно! Играть он любил.

– Прошу вас, сделайте исключение. Не ради меня, но ради цветов, которые томятся в ожидании ваших рук. Идти с ними пешком будет не слишком удобно.

Герберт чувствовал, что перегнул с любезностями, вышел за рамки хорошего вкуса. Но и черт с ним! Здесь не Рига, в конце концов, а Линда отнюдь не светская львица.

Она растерялась.

– Какие цветы, господин Мелдерис?

– Ваши цветы, Линда.

Герберт вышел из машины, достал корзину и буквально всучил ее девушке. Святая Мать Божья! Да она даже цветы принимать не умела: отнекивалась, лепетала глупости, мол, не стоило, чрезвычайно лестно, но ничем не заслужила – и прочее. Насилу уговорил. Однако привилегии подвезти даму на авто Мелдерис в этот вечер не добился.

Ее сопротивление показалось ему очаровательным. Следующий ход был за ним, и герой выбрал осаду. Теперь он бывал в «Авотиньше», когда девушка работала, но после смены больше не подкарауливал. Шутил, немного рассказывал о себе, сорил деньгами и пару раз присылал ей домой корзины цветов. Даугавпилс – город небольшой, выяснить, где живет красотка, было парой пустяков.

Выждав приличное время, он решил, что пора поменять тактику. Во время одного из обычных теперь ужинов в «Авотиньше», когда Линда сервировала его столик закусками, он накрыл ее руку своей. Она слегка дернулась, но руки не отняла. Тогда Герберт решил, что это верный знак. Хотя, возможно, она просто побоялась опрокинуть тарелку...

– Мадемуазель Вилцане! Уверен, вы знаете, что я бываю в этом заведении исключительно ради удовольствия видеть вас, ради возможности перебросятся с вами парой редких фраз. Но здесь вы практически неуловимы. Разрешите, я приглашу вас на прогулку?

Он внимательно смотрел Линде в глаза, не выпускал руки и чувствовал, как она дрожит в его ладони, словно маленькая рыбка.

– Это большая честь для меня, господин капитан.

Она говорила тихо, себе под нос. По ее тону непонятно было, соглашается или отказывает. Герберт предпочел принять за истину первый вариант. Он слегка пожал ее запястье.

– Прошу вас, скажите: когда и где?

– В среду, в полдень у фонтана, – быстро проговорила девушка.

Тогда он освободил ее лапку. Линда тут же упорхнула, оставив его наедине с победой.

На свидание Мелдерис пришел в форме. Во-первых, в ней он был особенно неотразим, а во-вторых, известно, что женщины питают слабость к мундирам. Герберт решил, что не будет напорист. Зачем? Барышня сама не устоит, как только увидит его в форменном блеске. А он, напротив, возьмет слегка покровительственный и прохладный тон, чтобы вознаградить себя за прошлое небрежение с ее стороны.

Светлое платье с простым домотканым кружевом очень шло Линде. Она была похожа на бледный садовый ирис. Глаза ее то казались прозрачными, как капли воды, то становились темными, когда они долго шли в тени деревьев.

– Многие говорили, – повествовал вальяжно Герберт, – что мой самолет слишком неповоротлив. Однако ошибка полагать это таким уж важным параметром! Мой «Молниеносный» способен поднять шестьсот килограммов груза и развить скорость до четырехсот сорока километров в час. И он ни разу не подводил меня в опасных ситуациях!..

Исчерпав список достоинств своего летательного аппарата, Мелдерис перешел к путевым заметкам.

– На Борнео я охотился на тигров, – для этого эпизода он выбрал самый будничней тон, как если бы охота на тигров была для него таким же обычным делом, как, например, поездка на автомобиле. – Но отнюдь не тигры самые опасные существа на этом острове. Несколько дней я провел в обществе тамошних охотников за головами. Это настоящие дикари! Они украшают свои жилища и изгороди засушенными головами убитых врагов. Представляете, какое впечатление такая изгородь производит при лунном свете! Первобытное варварство, которое наш разум стремится облечь мистическим смыслом. Знаете, у меня даже возникло искушение привезти одну из таких голов сюда, в Латвию. Иметь у себя эдакий символ *memento mori*. Но увы! Когда пробираешься по джунглям, приходится заботиться о том, как уберечься от гадюк и скорпионов, а не о том, как обзавестись оригинальным трофеем... Все это я постарался описать в моей книге... Если вы не читали, то я обязательно пришлю экземпляр. Надеюсь, она вас позабавит.

Герберт не мог понять, насколько барышню впечатлили его истории. Линда шла рядом не поднимая глаз и почти все время молчала.

– У вас в детстве была мечта, мадемуазель Вилцане? – Девушка неопределенно качнула головой. (Да? Нет?) Он выждал приличную паузу и продолжил: – Я, например, мечтал увидеть слона. Однажды даже представился случай поохотиться, но, к несчастью, у меня не было с собой специального карабина. Вообще, слоны меня ошеломили. Однажды я оказался недалеко от дороги, по которой шло целое стадо этих громадин. Вблизи они невероятных размеров, просто невероятных! Кажется, способны смести своей массой все что угодно на своем пути. В память об африканском путешествии я ношу этот амулет. – Он высвободил из-под обшлага бронзовую полоску браслета. – Вы удивитесь, но это дар Курземского музея.

Они переходили улицу Ригас, и Мелдерис помог Линде переступить через лужу на мостовой, отмахнувшись от назойливого извозчика. Его запас остросюжетных историй почти иссяк, а барышня так и не подавала признаков очарованности.

– Господин Мелдерис, – наконец вступила она в разговор. – А вам случалось летать в непогоду?

Благословенная лужа!

– О! Безусловно. Но не так опасен дождь, как туман. Аппарат заходит на глиссаду со скоростью триста километров в час, и при этом совершенно невозможно предугадать, какое препятствие окажется перед ним... Если я когда-нибудь потерплю аварию, уверен, виной будет именно туман.

Длинный майский день подходил к концу: солнце уже давно осело ниже крыш, скоро должны были зажечь фонари. От вокзала они свернули на Стацияс и двинулись вдоль железнодорожного полотна в сторону Форштадта. Навстречу им попадались люди, но Герберту казалось, что город абсолютно пуст. Он никого не видел, кроме Линды. Как непохожа была эта тихая латгальская красавица на женщин, с которыми он привык иметь дело.

Тот вечер ничем не закончился. Проводил барышню до дверей, подержал за руку на прощание, как мальчишка какой-то! Даже обнять толком не удалось. Вырвалась, гневно блеснула глазами: «Стыдитесь, господин Мелдерис! Разве я давала повод?!»

Герберт продолжал бывать в «Авотиныше», пару раз ему удавалось уговорить Линду прогуляться с ним по парку или выпить чаю в кондитерской. Девушка стала разговорчивей, но не благосклонней. Они так ни разу и не поцеловались.

Если бы он мог уехать из Даугавпилса, то расстояние и время стерли бы злосчастную девицу из памяти. Уж в Риге он бы быстро утешился! Но командировка в Даугавпилс из долгой превратилась в бессрочную. Командование Авиационного полка давно собиралось перебросить часть сил поближе к восточной границе, для этого понадобился новый аэродром под Даугавпилсом. Господин капитан, как лучший авиатор страны, должен был определить для него место. Так и получилось, что днем он разъезжал по округе, а вечерами штурмовал Линду.

Почему он не отступил тогда? Упрямство! И еще он узнал о сопернике. Теперь Герберт просто обязан был победить. Проиграть мужчине – совсем другое дело. Внезапно объявившийся конкурент добавил сюжету остроты и азарта.

Конечно, им оказался какой-то прыщавый друг детства. Студентик – тощий, нищий, плохо одетый. Как только Линда начинала говорить о себе, в ее рассказах то и дело возникал некий Андрей, чьими словами и поступками наивная девица неизменно восхищалась. Однажды Герберт не выдержал:

– Что за таинственный Андрей? Он ваш родственник?

– Андрей Левинс. Друг. Мы росли вместе.

– А кто он?

– Студент. Историю изучает...

– Студент?! Вы так часто приводите его высказывания, что я было решил, будто этот господин – видный философ и ученый... Так чем он знаменит? Почему он должен служить примером мне – кавалеру ордена Трех звезд, лично награжденному господином президентом Карлисом Ульманисом за особые заслуги перед Отечеством?

Линда только повела плечами.

– Простите, господин Мелдерис. Я не хотела вас обидеть. Андрей Левинс просто хороший человек...

Герберт потом пару раз видел этого «хорошего человека»: невысокий, взгляд исподлобья, плохая стрижка, латаный пиджачок – типичный коммунистический пролетариат. Вот кому теперь, при Советах, раздолье! К тому же еврей.

То, что соперник – еврей, почему-то казалось Мелдерису особенно неприятным и обидным. Герберт не считал себя антисемитом – во всяком случае, не в большей степени, чем другие. Евреев в Латвии всегда было много, к ним давно привыкли. Однако относились не без подозрения – все у них не как у людей: праздники свои, вера, обычаи. К тому же евреи считались зажиточными, «богатыми», занимались торговлей и ремеслом, селились общинами в городах. Латыши – основная, крестьянская их часть – «городским» традиционно не доверяли. А уж иноверцам-иудеям тем более: торгуют, значит, не работают – «наживаются на чужом». Ну и не без расхожих претензий про «кровь христианскую», на которой замешивают мацу, и прочие бесчинства. Может, конечно, и суеверия, да только дыма без огня не бывает...

Мелдерис принадлежал к тому кругу, в который иудеям, даже состоятельным, вход был заказан. Он смотрел на них свысока, но, конечно, ненависти не испытывал – было бы к кому! А теперь выходит, что он, капитан Герберт Мелдерис, кавалер, национальный герой, уступает в любовном поединке какому-то ничтожному жидку. Непостижимо!

И ладно бы Линда сама была еврейкой. В таком случае ее безумный выбор можно было бы объяснить заботой о чистоте крови – это Герберт еще мог бы понять. Но здесь же все с точностью до наоборот! Скорее всего, и семья Вилцане, и семья Левинса против эдакой «дружбы».

«Чего же этот любитель истории не отправился в Палестину, к себе на обетованную землю? Не заслужил чести? Глуповат, труслив или просто мямля? Я при случае поинтересовался бы у него... Так, чтобы Линда послушала».

С двадцатых годов сионистские лидеры звали латвийских евреев переселяться на древнюю родину. Однако уезжали немногие. Не так-то просто было обосноваться в арабской Палестине, которая к тому же находилась под юрисдикцией британской короны – англичане свято чтители собственные интересы и евреев с их «миссией возвращения» отнюдь не жаловали. Чтобы получить вид на жительство, требовался специальный сертификат. Эти сертификаты еврейские общины или разыгрывали в лотерею, или отдавали самым достойным. Но всегда оставался нелегальный путь. Герберт, например, никогда не боялся нарушить правила. Особенно ради славы.

В славе, на вкус Мелдериса, ничего дурного не было. Ему нравилась известность, его не тяготила раздача автографов, не раздражали восторженные возгласы незнакомых людей. Ему была приятна угодливость чиновников и лестны обжигающие взгляды дам. И здесь, в Даугавпилсе, и в Риге, и везде – его узнавали, превозносили, окружали вниманием. Все, кроме белоглазой пигалицы из «Авотиньша».

Как-то раз он сидел на улице Ригас в компании знакомых офицеров, благосклонно выслушивая их подобострастную болтовню, когда мимо проходила эта парочка: Линда и студент-замухрышка. Куда подевалась ее сдержанная немногословность? Девушка щебетала, смеялась – розовая, как умытый дождем пион, смотрела, не отрываясь, на своего спутника, то и дело касалась его пальцами, локтем, плечом. У Герберта потемнело в глазах, он на мгновение потерял ориентацию, как в полете во время густого тумана. Линда не заметила его. Она вообще никого не видела, кроме Левинса, но мальчишка-то Герберта заметил! Столкнулся с Мелдерисом взглядом и шевельнул губами в ядовитой ухмылке. Еврейчик явно гордился своей победой над ним, знаменитым героем-летчиком, сильным и взрослым мужчиной. Эта гадкая улыбочка до сих пор стоит у Герберта перед глазами.

Но и тогда он еще не сдался. Пошел до конца – даже сделал ей предложение.

– Я хочу, чтобы вы знали, мадемуазель Вилцане, что мои намерения самые серьезные. Не люблю в важных вопросах ходить кругами, поэтому скажу прямо: дорогая Линда, выходите за меня замуж. Я буду рад назвать вас супругой! – Он пытался найти какие-то особенные, торжественные слова, но получалось казенно и сухо. – Я знал множество женщин, но ни к одной не питал такого глубокого уважения... любви... привязанности...

Девушка молчала, краснела и внимательнейшим образом изучала носки своих туфель. Герберт продолжил, переступив через долгую паузу.

– О нашей свадьбе будет говорить вся столица. А потом мы отправимся в путешествие куда захотите: в Африку, Америку, Австралию...

Она глубоко вдохнула и решительно посмотрела Герберту в глаза.

– Господин Мелдерис, ваше предложение – большая честь для меня. Честь, которую я не заслужила. Я простая девушка и никогда не смогла бы стать вам достойной супругой. Прими я ваше предложение, уверена, совсем скоро вы бы пожалели о нем...

Конечно, это был отказ. Каким ослом надо быть, чтобы сразу не догадаться?! А он, вместо того чтобы немедленно уйти, сохранив остатки достоинства, принялся уговаривать, убеждать. Он был смешон и жалок. Скулил, как побитый щенок: «Подумайте, что может предложить вам Левинс...», «Вы уверены, что ваше сердце не переменится ко мне?» – и прочую подобную чушь. От этих воспоминаний глаза Мелдериса сузились, будто он посмотрел в прицел, напряглись желваки. Ни забыть этого унижения, ни простить...

Сначала он ужасно мучился. Пил. Не находил себе места. Совершенно забросил службу. Неизвестно, как надолго он увяз бы в любовной драме, но политические пертурбации бесцеремонно вторглись в жизнь.

Герберт с неприязнью следил за заигрываниями президента Ульманиса с Советами. Очевидно, что ни к чему хорошему эти шашни привести не могли – «отец нации» сам загонял себя в угол. Самонадеянный дурак! Зачем было устраивать переворот, прибирать к рукам всю власть?! Чтобы теперь, в решающий момент, сказать: «Оставайтесь на своих местах, а я остаюсь на своем»? Не таких слов ждали от него! Этот трус сдал Латвию большевикам без единого выстрела! Герберт в который раз пожелал старому мерзавцу сгинуть в чекистских застенках.

А ведь все могло быть иначе. Ульманис мог заручиться поддержкой англичан, французов, того же Гитлера, в конце концов. Вместо этого он позволил разместить на латышской земле советские военные базы. Предал свой народ, когда нужно было сопротивляться, как вот финны, не дожидаясь угрозы аннексии. Ведь удалось же двадцать лет назад вышвырнуть коммунистов вон. Герберт прекрасно помнил это время: в 1919 году он совсем мальчишкой был зачислен

в пехотный батальон латвийской армии пулеметчиком. Сражался с войсками большевиков, за храбрость его произвели в сержанты. Потом в лейтенанты... Авиационная школа... Тогда же как-то отбились. А что теперь? Прошло каких-то двадцать лет... Мало того, что капитулировали, бесславно, без боя, – нашлись в Латвии люди, цветами встречавшие оккупантов! О чем эти идиоты думали, на что надеялись? На коммунистический рай? Надо было Ульманису брать пример с Советов: сажать и расстреливать, да только кишка у него тонка!

Мелдерис считал себя человеком неглупым: понимал, когда нужна храбрость, а когда осторожность. Иначе вряд ли он дожил бы до нынешних сорока лет. Несчастную любовь можно себе позволить в спокойные дни, а во времена гражданской катастрофы следует позаботиться о выживании. Лучшая тактика, конечно же, – затаиться, не привлекать к себе внимания новой власти. Герберт не сомневался, что, когда Советы начнут неизбежную «чистку» в армии, первыми попадут под раздачу те, кто открыто выступал против большевизма. Капитан вел себя примерно, не выделялся, демонстрировал лояльность. Его старания не пропали даром: не расстреляли, не отправили в лагерь – просто уволили. Естественно, Герберт нимало не расстроился – служить красным он не собирался.

Приказала долго жить старая добрая Рига. Герберт и не подозревал, насколько сильно он привязался к кипевшей здесь до прихода большевиков ночной жизни. Водка, шампанское, цыгане и дрожки с укутанными извозчиками, готовыми ждать клиентов у дверей ресторанов, невзирая даже на сильный холод. Все это безвозвратно ушло, сменилось серостью и унынием.

Самолет «Молниеносный», который он, Герберт, до самой последней гайки собрал своими руками, конфисковали. Отправили то ли в неведомый ангар, то ли вообще сдали в утиль – больше Мелдерис его не видел. Официальное объяснение, что «летательный аппарат был изготовлен из казенных материалов, следовательно, принадлежит государству», Герберта совсем не устраивало. Он чувствовал себя рыцарем, у которого банда черни украла коня, или даже отцом, потерявшим сына. Как же он их ненавидел – всю эту большевистскую сволочь!

Да, определенно пришла пора уезжать из Латвии... Легче всего – в Швецию. Балтийское море можно пересечь даже на небольшой лодке, а под парусом он ходил. Оставалось купить подходящее судно и дожидаться благоприятной погоды... Но Мелдерис был подавлен, на удивление нерешителен. В общем, наступила зима, и побег пришлось отложить. А в марте сорок первого за ним пришли...

– Гражданин Герберт Мелдерис? Собирайтесь! Поедете с нами.

За одно мгновение он пережил все: адреналиновый взрыв в сердце, парализующий страх, отстраненное равнодушие, вслед за которым внутри наступили тишина и покой – ужасное случилось, бояться больше нечего. Он кивнул и пошел складывать вещи. В воображаемой сцене своего ареста Герберт всегда выхватывал пистолет, который непременно оказывался под рукой, одного чекиста убивал, а другого успевал ранить, прежде чем третий точным выстрелом в голову безболезненно и мгновенно обрывал славный путь капитана Мелдериса. Разумеется, в действительности его парабеллум скрывался где-то в недрах письменного стола и Герберт даже не подумал им воспользоваться.

Впрочем, товарищи чекисты тоже повели себя довольно неожиданно. Никаких признаний они от Герберта не требовали. Продержав Мелдериса ночь в Угловом доме на улице Бривибас (вся Рига знала, что здесь разместился НКВД), его усадили в поезд и под охраной повезли в Москву. С ним обращались вполне сносно, даже вежливо, хотя, конечно, никаких разъяснений не давали. Герберт ожил, снова позволил себе надеяться, но эта перемена заставила его волноваться, переживать о будущем. С рациональной точки зрения вряд ли следовало ожидать расстрела. Хотели бы, шлепнули на месте, а не тащили в столицу. Разве что его смерть должна была стать показательной...

Прямо с вокзала Мелдериса доставили в здание на Ленинградском шоссе. Оказалось, что там расположено конструкторское бюро Александра Яковлева, где Герберту была назначена

аудиенция с «самим». Удивительно, но советская власть высоко оценила «Молниеносного» и ей понадобился его, Мелдериса, инженерный талант. Яковлев, заместитель наркома авиационной промышленности, принимал его лично. После кошмарной безысходности последних дней беседовать в теплом кабинете за стаканом чая о бомбардировщиках нового поколения было странно и лестно. Герберт взбодрился как после контрастного душа.

– Товарищ Мелдерис! То, как вы сумели поднять мощность обычного серийного двигателя до границы высотности, просто удивительно – очень интересное решение. Я рад буду видеть вас в числе своих сотрудников. Давайте работать вместе!

Яковлев был практически одних с Гербертом лет, но производил солидное впечатление: кустистые брови, намечающаяся V-образная складка на лбу. Он как будто понимал, что застал капитана врасплох, и теперь наблюдал, как тот лихорадочно обдумывает его предложение. Предложение, от которого нельзя отказаться.

Герберт закурил.

– Александр Сергеевич, мне нужно время. Это очень неожиданно...

– Конечно. Думайте. А я пока распоряжусь еще чаю.

Яковлев улыбнулся одним ртом, а смотрел все так же серьезно.

Принесли свежий чай. Мелдерис не торопясь положил в стакан три куска сахара, долго мешал, звякая ложкой о стенки, рассматривал богатый серебряный подстаканник. «Черта с два я буду на них работать! Черта с два! Сначала уничтожают все, что дорого, – лишают настоящего, будущего, дома, страны, а после: пожалуйста к нам самолеты проектировать. Добро бы пообещали что-то стоящее: деньги, славу, почет... Спасибо за предложение, но нет. Лучше погибнуть на пути в Швецию, чем жить в рабстве у Советов...» Герберт легко принял решение, но геройствовать с отказом, чтобы после напрямик угодить в мясорубку ГУЛАГа, он не собирался. Храбрость хороша, когда идет рука об руку с успехом, а в прочих случаях осторожность предпочтительней.

– Прекрасный чай! – Герберт отставил стакан и аккуратно улыбнулся. Он безупречно говорил по-русски, но сейчас подбирал слова с особой осторожностью. – Я подумал... Безусловно, ваше предложение – это большая честь. Вы, без сомнения, выдающийся авиаконструктор, и я уверен, что здесь в бюро трудятся и другие талантливые инженеры, у которых есть чему поучиться. Работать под вашим началом – значит попасть в число самых лучших. Но я не могу... Если соглашусь, то просто подведу вас.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, Герберт Янисович, – нахмурился Яковлев. – Давайте говорить начистоту, без этих лишних политесов.

– Если начистоту... Сотрудник, который не может трудиться в полную силу, – не лучшее приобретение. Создание новых летательных аппаратов требует самоотдачи, концентрации. А мне последнее время из-за болей все труднее сосредоточиться.

– У вас плохое здоровье? – голубые глаза Яковлева на мгновение вспыхнули из-под лохматых бровей.

– Острый ревматизм. – Герберт демонстративно шевельнул пальцами и слегка усмехнулся. – Длительные перелеты не прошли даром. Суставы – ни к черту, чувствую их постоянно. Особенно ночью, спать невозможно... И днем ноют без перерыва: делать ничего не могу, голова не соображает.

Яковлев вертел в руках остро отточенный карандаш и не спеша изучал Герберта.

– Ревматизм – это серьезно. Особенно в вашем... нашем возрасте, – произнес он задумчиво. По тону было непонятно, поверил он латвийскому капитану или не поверил. – Здоровье надо беречь. Почему вы не лечитесь?

– Отчего же? – возразил Герберт. – Лечусь. Врачи говорят, прогресс есть...

Герберт был почти честен: если и солгал, то слегка. Диагноз «острый ревматизм» ему действительно ставили. Все официально, можно проверить. Для пилота обычное дело – результат долгих часов в холодной кабине, где ни встать, ни даже пошевелиться толком...

– И как скоро вы сможете начать работать? – Яковлев смотрел на него с видимым участием.

«Поверил!» – настроение Мелдериса мгновенно улучшилось. Он откинулся на спинку стула, вытянул ноги, вздохнул полной грудью.

– Врачи говорят – полгода. Летать, конечно, не смогу, но за кульманом стоять – вполне. – Герберт постарался придать своему лицу выражение радостной готовности. «За полгода я точно выберусь из Латвии. Только бы получить эту отсрочку!»

Яковлев держал паузу не хуже драматического актера.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Лечитесь. Три месяца у вас есть, но не больше. Договорились? В июле жду вас с новыми идеями.

– Буду рад поработать с вами, Александр Сергеевич! – с облегчением произнес Герберт.

– Взаимно, Герберт Янисович!

Яковлев сграбастал в свою короткопалую ладонь руку летчика, быстро пожал. Потом похлопал на прощанье по плечу – аудиенция окончена.

На обратном пути Мелдерису не спалось. В голове крутились планы побега. «В мае я уже должен быть в Швеции... Интересно, НКВД посадит меня под колпак или так – под дырявый сачок?.. Скорее всего, Яковлев поверил в мою болезнь, иначе не в Ригу бы меня отправил, а в Сибирь. С другой стороны, нельзя недооценивать противника. Осторожность и осмотрительность. Я просто обязан их переиграть!»

Первые дни в Риге Мелдерис приходил в себя: спал, ел. Выходил из дома только по самым невинным надобностям: купить утреннюю газету, выпить кофе (в одиночестве!), прогуляться по набережной Даугавы. Ему принадлежала маленькая однокомнатная квартирка на улице Дзирнаву. Год назад он собирался приобрести что-нибудь попроще, а теперь радовался, что не успел. Ходили слухи: большевики принудительно подселяют в богатые дома разных голодранцев – «уплотняют» жильцов. И вообще, чем меньше имущество, тем легче с ним расстаться.

Главной задачей для Герберта стала сейчас покупка лодки. Проще всего договориться с Алдисом. Они давно приятельствовали, но близкими друзьями не стали. Мелдерис ни с кем не делился планами, никому до конца не доверял. Разве что Линде мог бы, но не сложилось... Алдис раньше владел несколькими небольшими рыболовецкими судами. Некоторые сдавал в аренду, но и сам выходил в море. Сейчас ему пришлось отдать практически все свои посудины в новоиспеченный рыболовецкий колхоз, но у него и теперь можно было взять лодку. Разумеется, не говоря, зачем она Герберту понадобилась. Гадать «донесет – не донесет», рисковать, полагаясь на порядочность товарища, ему совершенно не хотелось... Алдис хоть и озлоблен на новую власть, но береженого бог бережет...

Тяжело ли будет жить вдали от Латвии? Удастся ли когда-нибудь сюда не вернуться? Каждый раз, когда Мелдерис выходил из дома, его осаждали подобные мысли. Конечно, он много путешествовал и считал себя отчасти гражданином мира. Но он любил эту землю, как и ту женщину. И обе они его отвергли. Обе предпочли спутаться с евреями-коммунистами. Линда в его воображении слилась с образом Латвии. Она была красива той же красотой, что и его родина: неброской, но изысканной и в то же время глубокой, чистой, подлинной. Она могла бы рожать сыновей: крепких светлоглазых Лачплесисов², а вместо этого... Даже думать

² Лачплесис – «разрывающий медведя» (*латыш.*), латышский героический эпос, воссозданный на основе народных преданий. Образ главного героя эпоса Лачплесиса олицетворяет величие народа, его героизм. Символизирует отвагу человека, очищающего землю от захватчиков.

противно! Латвия тоже предала Герберта: на земле, где он родился и вырос, где похоронены все его предки, ему места нет! Здесь теперь земля большевиков и их потомков. Сначала они заняли дома, потом займут кладбища, и не останется ничего... Ничего не останется.

Герберт оборвал поток внутренней горечи. Не о том сейчас стоит думать! Сначала лодка, потом Швеция, и уже после – все остальное.

Глава 3

Даугавпилс, как и предрекала Инта, архитектурным величием не поражал. Пока поезд катил мимо кладбищенского лесочка, еще оставалась надежда, но сосны сменились бетонными пятиэтажками, кубиками супермаркетов, затем хаосом железнодорожной промзоны с ржавыми вагонами и кирпичными пакгаузами, а после возник и провинциальный вокзал – советское ретро.

Лиза вытянула дорожную сумку из-под сиденья, пристроила на плече и направилась к выходу. «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. // Вот он – уездный город N!» – вспомнились ей строчки песни из родительского плейлиста: все детство – то Майк, то Хвост...

Она прошла насквозь здание вокзала, спустилась вниз по широкой лестнице, пересекла дорогу и оказалась в устье пешеходной улицы, замощенной красной плиткой. Улица начиналась с уступчатых фонтанов по обеим сторонам, дальше выстроились невысокие симпатичные домики, некоторые даже с претензией на архитектуру. «“Ригас”, – прочитала девушка. – Чего Инта так взъелась? Здесь довольно мило... Даже фонтаны есть».

Вокруг было тихо, солнечно и безлюдно. Даже по прибалтийским меркам Даугавпилс выглядел пустынным. Лиза непроизвольно пошла медленнее, принаравливаясь к неспешному дыханию города.

Справа, между католическим собором и торговым центром, открылась площадь. А сразу за центром торчал стеклянный серо-голубой параллелепипед гостиницы «Латгола», увенчанный электронными часами.

«Тринадцать двадцать пять», – машинально отметила она.

На заселение ушло не больше получаса. Лиза быстро приняла душ, позволила себе кофе с головкружительным десертом в соседней кондитерской и почувствовала себя совершенно готовой к историческим открытиям.

За гостиницей, если идти по Ригас в сторону Даугавы, оказался парк с фонтаном, скамейками вокруг и медным джентльменом в полный рост. Статуя выглядела ужасно мило: никаких монументальных постаментов – так, вышел человек с собачкой прогуляться. Памятник городскому голове Динабурга. Лиза быстро сделала пару фотографий – для сторис – и двинула по навигатору дальше.

В глубине парка виднелась какая-то серая гранитная геометрия явно советского происхождения. «Ничего себе! Прямо социалистический заповедник! Не только “Советским воинам-освободителям слава”, но и венки с лентами и Вечный огонь! А дед говорил, что их все еще в девяностые погасили...»

Городской краеведческий музей, который Лиза наметила посетить, занимал небольшой серо-розовый двухэтажный особняк с балконом. У входа в лучших традициях чернели чугунные львы, а внутри сидела седая корпулентная дама – с брошью и в очках, – настоящая хранительница музея. И геральдические звери, и благообразная служащая умилили Елизавету. Она по-американски улыбнулась, представилась студенткой исторического факультета (вуз на всякий случай уточнять не стала) и, не теряя времени, спросила про Герберта Мелдериса.

Вопрос застал даму врасплох. Ее брови вздернулись, затем стекли к переносице: очевидно, если в закромах памяти и хранилось это имя, то оно давно затерялось в ворохе другой бесполезной информации. Лиза уточнила: речь идет о легчике и авиаконструкторе – в тридцатых годах прошлого века он был довольно знаменит. Дама подумала еще немного, величаво кивнула и поплыла по лестнице с мраморными балясинами на второй этаж, в запасники, где с достоинством выложила перед девушкой пару газет 1934 года. В газетах ничего нового не было – полет в Африку, «с восторгом встречали», «герой-авиатор»... Лиза из вежливости немного поизучала статьи и аккуратно сложила газеты обратно.

– Спасибо. Это очень интересно. А нет ли в архивах каких-нибудь более поздних свидетельств, уже военного времени? Чем Мелдерис занимался при советской оккупации и потом, когда пришли немцы? Мне удалось выяснить только, что он жил здесь, в Даугавпилсе. Я надеялась, что у вас в музее... Любая информация... Я была бы крайне признательна...

Лиза даже повторила весь этот текст на латышском, хотя дама с самого начала разговаривала с ней на чистейшем русском языке.

Та лишь пожала плечами.

– Не припомню, чтобы о нем писали в сороковых... Но это и понятно. Такое время: война, потом оккупация... Люди погибали, пропадали без вести, эмигрировали...

– Мелдерис был национальным героем, – обиженно сказала Лиза. – О нем, между прочим, вся мировая пресса трубила. Неужели просто взял и пропал без следа? Никаких свидетельств или воспоминаний? Как же так?

– Время было такое... – Музейная дама опустила глаза, будто лично несла ответственность за небрежное отношение к памяти о национальном герое. Выдержав паузу, она снова посмотрела на Лизу. – Вы зайдите в университет на историческую кафедру – это в старом здании на Виенибас. Может, там что-то узнаете... Господина Мелдериса могли расстрелять коммунисты, он мог погибнуть на войне... Думаю, скорее второе. Если бы такой человек стал жертвой советского террора, все бы это знали. Его смерть не прошла бы незамеченной... Сейчас к таким случаям пристальный интерес. Это про жертв нацистов вспоминать не любят... М-да... В общем, казни его красные, биография вашего летчика была бы во всех школьных учебниках.

«А мадам-то – ватница! – хмыкнула про себя девушка. – Наверное, она часть экспозиции – музейный работник советского периода».

Лиза из принципа попрощалась по-латышски и направилась к выходу.

– Подождите! – окликнула ее служительница. – Попробуйте заглянуть в отделение РОЛ – «Русской общины Латвии». Это рядом, как выйдете – направо, угол Ригас и Виенибас. Они делят помещение с ДОБАК – «Даугавпилским обществом борцов антигитлеровской коалиции». У них там свой архив: документы, рукописи, воспоминания ветеранов. Есть и списки бывших узников нацизма. Тех, что детьми застали войну... Некоторые еще живы. Может быть, там вам помогут.

«Что за богадельня! – Лиза сердито щурилась на солнце. – РОЛ, ДОБАК, узники малолетние... Может, на кафедре повезет встретить нормального историка. Все-таки университет, хоть и Даугавпилсский».

Она прошла пару кварталов по Ригас и сверилась с навигатором: до старого здания минут пять пути – через сквер с фонтаном, где из достопримечательностей гугл-карта предлагала осмотреть православную часовню и памятник жертвам красного террора. Впрочем, «Русская община Латвии» оказалась еще ближе. Лиза нерешительно притормозила на перекрестке: «Почему бы не зайти сначала туда? Скорее всего, потрачу время впустую, но как не взглянуть на здешние реликты?» Она притопнула ногой, словно поставила точку в споре с собой, и свернула к двухэтажной сливочно-белой постройке, где под аркой таился вход в упомянутый РОЛ.

Наверх вела деревянная лестница, выкрашенная красно-коричневой палубной краской.

«Спасибо, что без медведя с балалайкой обошлось», – думала Лиза, налегая на тугую дверь, обитую черным дерматином: чтобы попасть в «Русскую общину», нужно было иметь хорошую физическую подготовку.

Сразу за дверью начиналась «зала»: стены в портретах советских командиров, облака дешевого сигаретного дыма, длинный стол под красной скатертью. В помещении было шумно илюдно: человек пятнадцать – в основном мужчины в возрасте – сидели за столом и с заметным напряжением внимали какому-то парню, который был немногим старше Лизы. Видимо, мероприятие началось довольно давно. Парень злился, говорил громко и отчаянно жестикулировал.

– Услышьте меня, пожалуйста! Мы уже прос... проиграли прошлогодние выборы! К следующим нужно нормально подготовиться. Если и их сольем, то все! Другого шанса, может, вообще никогда не будет! Сейчас уникальные обстоятельства. Уникальные! Никто не хочет, чтобы закрыли русские школы – даже самые умеренные. Это реальная идея, способная сплотить людей. Способная объединить!

– Юра, ты сегодня угомонишься когда-нибудь? – устало сказал седой морщинистый дядька, сидевший во главе стола. Он махнул в сторону юноши рукой, в которой держал незажженную сигарету. Глиняная пепельница перед дядькой была переполнена окурками, и Лиза отметила про себя, что российский запрет на курение в публичных местах – безусловное благо.

Молодой человек заметно сник. Лизе даже захотелось поддержать его. Конечно, вся эта политическая абракадабра ее не вдохновляла, но сам Юра был ничего: синеглазый, скуластый, со взъерошенной челкой, и вообще на Камбербэтча похож.

– Николай Иванович! Я же очевидные вещи говорю!

– А я тебе говорю: хватит разводить панику! – внушительно перебил Николай Иванович. – Пока твое дело – слушать и выполнять решения территориального руководства. Уж Тамара Андреевна точно не глупее тебя. Все по плану идет. Люди за нас и так проголосуют. В тот день, когда Карлис продавил поправки о школах, русский избиратель, считай, уже стал нашим.

– Да не проголосуют они за нас! – опять заволновался Юра. – Не проголосуют, если пустим все на самотек! В который раз отдадут голоса за «согласосов»! Вот на днях был митинг в Риге. Сколько вышло? Две тысячи с небольшим. Пенсионеры в основном. А половина рижан – русскоязычные. Половина! Латыши смеются: у вас, дескать, за русские школы одни старики выходят, молодежь все устраивает. Видели карикатуры, на которых участники митингов – зомби? Неужели вас это устраивает?!

«Чисто комсомолец!» – Лиза попыталась придушить новорожденную симпатию с помощью иронии. Не хватало еще, чтобы ей, образованной, прогрессивно мыслящей барышне, понравился какой-то ватник! Между тем Юрий явно говорил искренне, а тембр голоса у него был такой, что прямо дух захватывало.

«Ролисты» от слов молодого человека тоже были не в восторге: неодобрительно перешептывались и кривили рты. С Николаем Ивановичем здесь не спорили. Даже Лизе это было ясно. Но Юрия ничего не останавливало.

– Латыши, заметьте, дважды на грабли не наступают! Пятнадцать лет назад, когда были протесты русских школьников, они поняли, что надо обрабатывать молодежь. «Граждан мира» надо воспитывать, а язык пока не трогать. Оставили билингвальную систему обучения. А пока суть да дело, большинство нелояльных «советских» учителей на пенсию ушло. Теперь даже учить некому! И национальное самосознание у русских детей не приветствуется. Вы же понимаете, о чем я говорю: латыши – хорошо, поляки, латгальцы – хорошо, а мы, русские, – оккупанты! Сегодня Шадурскис добился изгнания русского языка из школ нацменьшинств, а завтра в Латвии русский этнос и вовсе исчезнет, потому что произойдет полная ассимиляция!

– Хорош руками размахивать и умные слова говорить, – уязвлено буркнул Николай Иванович. – Если есть какие-то идеи – предлагай. Что все плохо – и без тебя известно!

Юрий немного снизил накал: продолжил так же энергично, но уже тише.

– Я уверен, что надо менять характер наших акций. Мы должны стать радикальнее. Не с плакатами самодельными стоять, а, например, наручниками приковаться к двери Минобразования или объявить голодовку в прямом эфире. Флешмобы, акции гражданского неповиновения. Если понадобится – будем на улицах машины переворачивать, как негры в Париже. Тем более что среди нас «негров» тоже предостаточно... Неграждан, я имею в виду.

– Провокатор! – одна из женщин не выдержала. – Иваныч, да не иначе его полиция безопасности подослала! Нас же теперь запретят или вообще арестуют!

Председатель шмякнул ладонью об стол.

– Хватит чушь пороть! – Он насупился и посмотрел на Юру со всей строгостью. – С кем ты, друг дорогой, собрался наручниками приковываться и машины переворачивать? С пенсионерами нашими? Или, может, с твоими балбесами с исторического факультета? И сколько человек соберешь? А на прошлогоднее майское шествие в Риге десять тысяч человек, между прочим, пришло. Десять тысяч! Вот тебя там не было... Молод ты еще. Молод и глуп. Не обижайся. Лет через десять, когда подрастешь, – послушаем, что скажешь, а пока...

Юрий мгновенно набух нервным румянцем, резко встал (Лиза отметила, что он высок и худ), буркнул что-то вроде «извините, я лучше пойду», стремительно пронесся мимо прижавшейся спиной к стене Лизы и со злостью рванул на себя монументальную дверь, даже не подумав ее за собой придержать. Дверь оглушительно хлопнула.

– Кто-нибудь еще хочет высказаться? – недобро улыбнулся Николай Иванович. Желающих не оказалось. – Тогда объявляю заседание закрытым.

Большинство заседавших обрадованно повскакивали со своих мест и потянулись к выходу, ловко огибая Лизу. Те, что остались, неспешно рассредоточились в пространстве, объединяясь в пары для кулуарных бесед или, напротив, уединяясь для чтения свежей партийной прессы.

Николай Иванович окинул взглядом комнату и наконец заметил Елизавету.

– Здравствуйте. Вы кого-то ищите?

– Добрый день! Меня зовут Елизавета Сперанская. Мне рекомендовали к вам... Женщина из музея... Она сказала, что мне нужно в РОЛ и еще в этот... ДОБАК...

«Господи, как же это все по-идиотски звучит!» – Лиза чувствовала себя крайне неловко и теребила ремешок сумочки, как двоечник ручку портфеля.

– А я – Николай Иванович Дроботенко, председатель даугавпилсского отделения «Русской общины Латвии» и по совместительству глава территориального отделения партии «Русский союз Латвии». Чем могу?

С тем же градусом косноязычия она объяснила цель визита. Повисла длинная пауза, во время которой Дроботенко, зажмурившись, разминал пальцами веки и задумчиво вздрагивал густыми «брежневскими» бровями, а Лиза изучала движение облаков за распахнутыми окнами.

– Мелдерис? Кажется, когда-то слышал эту фамилию... Как раз в контексте немецкой оккупации, да. Но... никак не могу вспомнить. Ветеранов бы наших расспросить, только их практически уже... М-да... В прошлом году умер их председатель Иван Николаевич Терехов. Девяносто пять лет... До самой смерти сохранял ясный ум и память. Вот кто про войну мог рассказать... – Николай Иванович снова взял задумчивую паузу. – Говорите, историческое исследование?.. Знаете, давайте поступим так: приходите завтра. Я подумаю, с кем можно поговорить про этого вашего Мелдериса... А сейчас, извините, дела... Вот, возьмите на всякий случай. Моя визитка.

Дроботенко царственным жестом протянул ей карточку, явно побывавшую уже в чьих-то руках, и неопределенно кивнул, что, очевидно, означало конец аудиенции. Лиза изобразила ужасное разочарование, попрощалась с председателем и с огромным облегчением покинула это Зазеркалье.

«И что теперь? Куда дальше? В университете вряд ли помогут. Здесь, похоже, все такие – из сериала про альтернативную реальность. Только время зря потеряла. В конце концов, если Мелдерис и бывал здесь в каком-нибудь сорок первом, то наверняка сразу сбежал. Захолустье всегда захолустье. Чем мог удержать Даугавпилс такого крутого парня?»

Она была раздражена и голодна. Еще по дороге сюда недалеко от подворотни РОЛа Елизавета заметила вывеску кафе и теперь направилась к нему.

Суши, фреш и капучино смогли немного примирить Лизу с действительностью.

Она подцепила ложечкой плотное облако молочной пены, рассеяно посматривая вокруг. За соседним столиком сидел тот Юра из РОЛа. Даже странно, что она только сейчас его заметила. Впрочем, теперь молодой человек выглядел довольно невыразительно: сутулился, вид имел кислый, радикализма не проявлял, только шевелил губами и пялился в чашку, словно искал пророчество в кофейной гуще. Лиза могла совершенно безнаказанно его разглядывать. «Все-таки он ничего. Даже красивый. Скулы высокие, подбородок с ямочкой... Жалко, что такой придурок...»

Тем временем к его столику подошла официального вида дама – бежевый брючный костюм, волосы (оттенок номер шесть, «горький шоколад») убраны в пучок. Дама сдержанно поздоровалась и присела напротив.

– Спасибо, что нашли время встретиться, госпожа Янсоне. – Юрий пристроил диктофон поближе к собеседнице. – Не возражаете?

Теперь он выпрямился, расправил плечи и больше не походил на тинейджера в депрессии.

– Давайте подтвердим договоренности. Госпожа Янсоне, мы хотели бы услышать ваше мнение о легионерах. Вы согласны?

– Безусловно! – Дама тряхнула головой и немного выпятила нижнюю челюсть. – Надо говорить о несправедливости. Исторической несправедливости по отношению к этим людям. Легионеров можно назвать болью латышского народа. Они – жертвы войны. Их, особенно в советский период, любили выставить изуверами и убийцами. Утверждали, что легион запятнал себя кровью невинных людей: евреев, русских, латышей, цыган. А правда в том, что люди, участвовавшие в карательных акциях, к этому воинскому формированию имеют весьма условное отношение.

– Что значит «условное»?

– Объясню. Латышский легион – продукт сорок третьего года. Тогда армия Германии стремительно сдавала позиции, и ей потребовались свежие силы. Объявили незаконный призыв, и за уклонение от него санкции были весьма жесткими, вплоть до расстрела, так что ни о какой «добровольности» и речи не было. Да и немецкая пропаганда работала хорошо. Латышей обманом заманивали в легион. Девяносто процентов легионеров – обычные люди, которые между тюрьмой и фронтом выбрали фронт. Оставшиеся десять процентов – это все приблизительные цифры, вы же понимаете, – возможно, составили те, кто в сорок первом служил во вспомогательных полицейских батальонах и теоретически мог участвовать в карательных акциях. Я не отрицаю. Но подумайте сами: массовые убийства ломают человеческую психику. Большинство из тех, кто в них участвовал, спивались... И давайте не будем забывать, что германское командование использовало латышские воинские формирования как расходный материал, пушечное мясо. Их посылали на самые опасные, самые безнадежные участки фронта, где их безжалостно перемалывало в мясорубке войны...

– Правильно ли я понял, госпожа профессор, что вы не считаете легионеров военными преступниками? – уточнил Юрий. Его лицо сделалось жестче и скульптурней.

– Именно так! Считать их преступниками – это за рамками здравого смысла. Напротив, перед ними надо низко склонить голову. Они честно сражались на фронте, а не расстреливали в тылу мирных жителей. Они жертвовали своими жизнями ради будущего Латвии! Конечно, на войне случается всякое... *A la guerre comme a la guerre*. Исполнять приказы – долг солдата. И никто не имеет права судить его за это.

«А ведь эта профессорша – именно то, что нужно! – пронеслось у Лизы в голове. – Если уж она не знает про Мелдериса, то дальше здесь искать бесполезно... Но не могу же я прямо так, с бухты-барахты... К тому же во время интервью... – Лиза занервничала и, как всегда, начала сердиться. – Интересно, а почему они разговаривают по-русски? – Она прислушалась к другим голосам в кафе. – Почему все здесь разговаривают по-русски?! А еще возмущаются,

что в школах будет только латышский! В Даугавпилсе это точно необходимо. Дети хотя бы узнают, как звучит государственный язык».

Тем временем госпожа Янсоне, попрощавшись, ушла, и Юрий остался за столиком один. «Оно и к лучшему, – решила Лиза. – Госпожа профессор – дама занятая, спешит, а этого деятеля можно пораспросить...» Она встала и, прихватив телефон и сумку, решительно пересела за столик к молодому человеку.

– Привет! Я Лиза.

Юрий поднял на девушку глаза, пятнисто покраснел, чуть привстал и быстро опустил обратно. При этом движении ножки массивного стула отвратительно клацнули по плиточному полу.

– Прости, я слышала ваш разговор. С той женщиной. Случайно. А до того я тебя видела в РОЛе... Забавно получается: я с тобой знакома, а ты со мной нет. Ты не возражаешь?

Лиза невинно улыбнулась. Юра растерянно кивнул, потом подумал и отрицательно замотал головой.

– Мне нужна помощь. Очень. Я только сегодня приехала. Из Риги. Я вообще в Питере живу, а в Риге – дед. Жил. Он умер недавно.

– Соболезную.

– Спасибо. Но я не об этом. Я тут ищу информацию об одном человеке. Ты случайно не слышал когда-нибудь про Герберта Мелдериса? В тридцатых годах он был крутым летчиком. Типа нашего Чкалова. Национальный герой, короче. Мне один профессор из Риги рассказал, что Мелдерис в начале войны, в сорок первом, в Даугавпилсе служил. А после о нем никто ничего не слышал. Как сквозь землю. Я в ваш музей пошла, а там – ни сном ни духом!.. В РОЛе этом вашем тоже пусто. Не знаю, куда еще обратиться. Есть, конечно, вариант – на истфак, но боюсь, на кафедре никого – лето ведь. В общем, я услышала, что ты у той женщины про легионеров спрашивал... Ты журналист, что ли?.. Я подумала, вдруг ты в теме...

Лиза заправила за ухо выплеснувшуюся прядь и вопросительно воззрилась на собеседника.

– Да, журналист. – В голосе парня послышалась многозначительная нотка. – Латгальский корреспондент газеты «Сегодня». Я – Рюмин.

Лиза машинально кивнула. Юрий как будто даже обиделся.

– Между прочим, «Сегодня» – главное русскоязычное издание в Латвии!

– Ну прости. Я ведь не в теме, – примирительно улыбнулась Лиза. – А я учусь в СПбГУ на историческом... Так сможешь?

Она откровенно заигрывала: мерцала глазами, вертелась, поправляла волосы, игнорировала поскуливающий уведомлениями телефон.

Юрий кивнул, челка просыпалась на лоб, и он с мальчишеским недовольством убрал ее на место.

– Надо подумать, кто может знать... Та же Янсоне... Могу сам позвонить ей или дать тебе ее номер... как хочешь... Кто еще?.. – Рюмин поскреб подбородок. – Мелдерис? Подожди! – Это «подожди» на фоне предыдущего рассеянного шелеста прозвучало внезапно громко. – Точно! Бронислав Давидович Фишман. Он мой хороший знакомый – я с ним как раз материал делал... Он, конечно, уже давно пенсионер, но очень позитивный. У нас есть такая организация – бывших юных узников нацизма. Я там немного помогаю... Ну, мелочи разные... И воспоминания записываю. Знаешь, – Юра внезапно очень серьезно посмотрел на Лизу, – они ведь уже очень старенькие... и столько пережили... Бронислав Давидович, например, здесь, в Даугавпилсе родился. Когда война началась, ему шесть лет было – вообще непонятно, как уцелел...

– Ты уверен?

– В чем? – Юра недоуменно вскинул брови.

– Ну что он помнит... Просто возраст уже... Прости, я не знаю, как сказать. Грубо получается.

– Нет-нет! Даже не представляешь, как он соображает! – заверил Юра. – Тебя надо обязательно с ним познакомить.

– Когда?

– Сейчас позвоню, узнаю. – Он полез в карман, достал пожилой айфон с истрескавшимся стеклом и стал медленно листать список контактов. – Бронислав Давидович – он офигенный! Профессор. В универе историю преподавал. Его лекции со всех курсов ходили слушать. И книгу написал – «Дети в гетто» называется. В Даугавпилсе во время войны было большое еврейское гетто и лагерь для военнопленных... Бронислав Давидович? Здравствуйте! Это Рюмин. Юра Рюмин. Да. Как вы себя чу... Хорошо-хорошо... Я не за этим... Вы гостей принимаете? С тортом, но по делу... Я не один, можно? Ну Бронислав Давидович! Просто знакомая одна... Она из Петербурга... Вы нам нужны как историк!.. Да, именно вы... Нет, только с тортом! Лия Брониславовна с меня слово взяла... Спасибо! До завтра, Бронислав Давидович!

Рюмин сунул телефон обратно в карман, почему-то смутился и, глядя куда-то мимо Лизы, пояснил:

– Завтра к одиннадцати ждет. Дня. Только я должен предупредить: у него такое чувство юмора... своеобразное... В общем, сама увидишь.

Повисла пауза. Лизе совершенно не хотелось прощаться. Ей было и весело, и чуть-чуть лестно от его неловкости. Похоже, она ему понравилась. А еще Юра так ворковал со своим Плейшнером, как будто тот был не старичок-профессор, а любимая девушка. Короче, Юра оказался супер. Требовалось срочно что-то придумать.

– Спасибо! Просто подарок, что я тебя встретила! Ты есть в Фейсбуке? Надо как-то договориться про завтра: где, во сколько... Только учти: я здесь совсем не ориентируюсь. Знаю только «Латголу» и вокзал.

– Диктуй номер. С утра созвонимся. Могу за тобой зайти... А у тебя какие планы? В смысле на сегодня? – как-то уж слишком непринужденно поинтересовался Рюмин.

– Я погулять собиралась... Посмотреть достопримечательности... Не в номере же сидеть.

Лиза не удивилась вопросу. Она привыкла нравиться. В университете, например, на нее западали и студенты и преподаватели. Хотя последние ничего лишнего себе не позволяли, но по косвенным признакам... Однажды они с ребятами играли в ассоциации, и Игорь Загорский сравнил ее с леденцом. Лиза сначала рассердилась на него, но позже простила. Да, леденец. Конфета, полупрозрачная, блестящая, сладкая, но береги зубы. Ей было приятно, когда за ней пытались ухаживать, но она предпочитала держать дистанцию, аккуратно поддерживая тлеющую надежду, но не давая ей разгораться.

– А хочешь, я тебе город покажу? – предложил Юрий. – Познакомлю с нашей компанией. Мы с друзьями собираемся в парке на «тарелочке». Это совсем рядом... Они люди интеллигентные и оригинальные. Один, например, депутат самоуправления, другой – сторож-богослов с дипломом, еще есть философствующий циник-романтик. Но если тебе станет скучно, то оттуда до «Латголы» совсем недалеко.

Лиза предложение благосклонно приняла.

Прогулка по центру Даугавпилса продолжалась часа два, и к восьми они уже подходили к «тарелочке». Это тоже был парк, но попроще, украшенный лишь одиноким фонтаном в виде плоской восьмиугольной чаши – «тарелочки», – в центре которой располагалась скульптура: щекастая бронзовая девочка с кувшином на плече.

Рядом стояла бело-голубая православная часовня, и Юра, вжившись в роль гида, провел девушку по периметру ограды, чтобы та оценила все архитектурные прелести. Лиза прелестей особенных не увидела: часовня как часовня. Ее скорее удивили трое типов без возраста в трениках, скупавших у церковной калитки, – словно косплеивших любимых папиных гопников.

«Кто хлещет в жару портвейн, кто не греет пива зимой», – говорил он, когда они в детстве, прогуливаясь, встречали таких персонажей, а мама соглашалась: «Они мешают нам жить!»

По «тарелочке» расплзлись длинные тени, накрывшие расположившуюся здесь рюминскую компанию.

– Это Витя Белов, наш депутат, это Славик, Санчес и Егорыч. А это – Лиза из Петербурга. – Название города Юра произнес как титул.

Парни, которых представил Рюмин, приветствовали Елизавету благожелательными кивками и поднятием вверх пластиковых стаканчиков.

– Лиза, ты как насчет пива? – Юра первым делом провел быструю инвентаризацию в сумке-холодильнике, стоящей у скамейки. – Если местное, то у нас есть «Алдарис», «Пилз-нес» и «Латгалес Алус».

Лиза пиво не любила. Оно было горькое и невкусное. Фреш, кола или холодный чай – в сто раз лучше. Но признаваться в этом ей показалось неловким: подумают еще, что она маленькая совсем.

– Пусть будет латгальское, раз уж мы в Латгалии.

Лизу усадили на скамейку, вручили ей стаканчик с пивом и тут же снова заговорили, громко и о чем-то своем. Признаться, Лиза рассчитывала совсем на другой сценарий – она солирует, а парни восхищаются, – поэтому немного расстроилась, что фокус дискуссии оказался смещен в какую-то далекую от ее интересов область.

– Мы сейчас пожинаем плоды 2004 года! – Виктор держал бутылку с водой, как гранату, пробкой вниз. – Тогда! Тогда надо было! Люди нас поддерживали, на митинги ходили! Вы бы видели, какие толпы собирались! Настрой был самый что ни на есть боевой: казалось, мы вот-вот победим и заставим вернуть отобранные у нас права! Реального равноправия добьемся, блин!

Белов выглядел старше других: лет уже под тридцать, жилистый, невысокий, спортивный. К тому же он почти не улыбался и только иногда поджимал щеку, растягивая губы, как резинки, вправо или влево. Этот человек никак не походил на депутата городского самоуправления города Даугавпилс. Ни солидности, ни степенности. Такие, в Лизином представлении, должны пацанов на районе строить, а не политикой заниматься.

– И почему же, Витя, вы тогда ничего не добились? – не без ехидства поинтересовался очкастый Славик. – Я вот лично эти претензии не принимаю. Я тогда вообще еще только в третьем классе учился.

– Всегда, Слава, можно себе оправдание найти. – Строго сверкнул глазами Виктор. – Я, кстати, первый митинг организовал в девятом классе. А ваше поколение уже того... На европейских ценностях выросло, блин, вот и недоразвитое такое... Раньше люди были другие – крепче. Хотя как бы тоже всякого хватало...

– Богатыри – не мы, ага. А все равно ведь в итоге «слили» протесты, – продолжал подкалывать Славик.

– Потому что наивные были, идеалисты! Не привыкли к этим новомодным политтехнологиям, когда ни чести, ни совести – все годится. А некоторым главное было что? На этой волне самим подняться, имя сделать, чтобы потом в теплое место как бы попасть... М-да... Часть разосралась между собой потом, часть разочаровалась. А некоторые еще и засса... сорян, Лиза, испугались, что «закроют».

– Что значит «закроют»? – поинтересовалась Лиза.

– В тюрьму посадят. У нас с этим моментально. Раз – и под следствием. На мне лично два незакрытых дела висят. А незакрытые они потому, что крыть-то нечем – сфабрикованы полностью. Но власти удобно – в любой момент можно меня за яйца подвесить. Вот так!

– Какой такой власти? – не унималась Лиза. – Вы ведь, Виктор, и есть власть. Вы же депутат.

– Власть здесь латышская. Мы, русские, ничего не решаем.

– А какая еще должна быть власть в Латвии? Русская? – Лиза едва не подскочила на скамейке. – Хотите русскую власть, русский язык в школах – переезжайте в Россию и живите там себе на здоровье.

Молодые люди как по команде замолчали – и недобро уставились на девушку. Лиза растерялась. К такому повороту она оказалась не готова.

– Ты что, – тихо спросил Юрий, – из этих? Из «интеграторов»?

– Не знаю я, кого ты этим дебильным словом называешь! – огрызнулась она. – Я просто человек. Нормальный человек с нормальными взглядами. И я считаю, что если живешь в стране, то надо уважать ее язык, законы и традиции. Не понимаю, что вас всех так возмущает?

– У вас в России всегда так: чужих уважают, зато своих кидают через колено... – буркнул Виктор, глядя в сторону восьмиугольной чаши, как будто ничего занимательнее, чем радужный переплет фонтанных брызг, в мире не существовало. – К нам, вон, ваших демократов в последние годы понаехало... За европейскими ценностями, блин... И нас учат, как жить... Только вот незадача: мы-то у себя дома. Мы родились здесь, выросли. Это наша земля, наша! Почему мы должны отсюда уезжать, вместо того чтобы бороться за свои права?

– Друзья, по-моему, вы напрасно горячитесь, – мягко вклинился в разговор Егорыч.

Сначала Лизе показалось, что он очень юн – розовощекий херувим с длинными волнистыми волосами и книжными манерами, – однако она быстро поняла, что ошиблась. Егорыч был человеком без возраста, тип – «вечный студент». Такие в позапрошлом веке или умирали в двадцать лет от чахотки, или становились светилами науки. Не она одна чувствовала в нем масштаб: прочие, не исключая Виктора, к нему явно прислушивались.

Егорыч улыбнулся.

– Елизавета вовсе не обязана разделять нашу точку зрения. В конце концов, ситуация, в которой мы живем, со стороны может выглядеть принципиально иначе.

То, что о ней заговорили в третьем лице, рассердило Лизу.

– Вот именно. Не вижу смысла продолжать дискуссию. – Она независимо пожала плечами. – Пусть каждый останется при своем мнении. Я лично убеждена: отрицать оккупацию глупо. Это значит отрицать очевидное. Как вы сами-то не замечаете, что вы – продукт советской пропаганды? Или уже путинской?

– Знаете, очень просто все списать на пропаганду, – как можно нейтральнее произнес Егорыч. – Однако факты есть факты: первая русская школа появилась в Латвии при Екатерине Второй. У коренных, с позволения сказать, народов на тот момент литературный язык отсутствовал. Мы можем рассматривать русские школы как историческое наследие страны. Вы же не против сбересть историческое наследие, Елизавета?

Попытка перевести разговор в отвлеченное русло не удалась.

– Я плачу здесь налоги! – не унимался Виктор. – И хочу, чтобы в школах, которые на эти налоги содержат, учили по-русски! Чтобы моя дочка...

Но Лиза безжалостно отсекала конец его фразы.

– Ваша дочка, Виктор, будет учиться вместе с латышскими детьми, научится говорить на латышском языке и, когда вырастет, сможет жить в свободном, открытом обществе без границ. Без внешних и внутренних, кстати, границ. И не будет тратить свое время на войну с ветряными мельницами.

Виктор внезапным точным движением послал недопитую бутылку в ближнюю урну, взмахнул опустевшей рукой:

– Это мы еще поглядим! – фыркнул он.

Лиза насупилась и уставилась на белоснежные носы своих кед. Этим людям нравилось заблуждаться, им не нужна была правда. Глупо было распинаться перед ними.

– Лиза, вы зря расстраиваетесь. – Санчес легко тронул ее за рукав. – А бутылками кидаться некультурно, Витя. Ты просто злишься, что мы все с пивом, а тебе должность не позволяет. И это справедливо. Депутаты не должны выпивать в общественных местах.

Александра по имени никто в компании не называл: или «Санчес», или «Амиго». На испанца он никак не походил, чем-то напоминал Джонни Деппа в «Плаксе» и был одет в романтическом стиле восьмидесятых: черные джинсы, белая футболка, косуха.

– Между прочим, – продолжил он, укоризненно глядя на товарищей, – с нами прекрасная дама, а вы только о политике. Давайте уже поговорим о чем-нибудь интересном для гостей. Скажите, Лиза, вам понравился наш городок?

– Да. Спасибо, – сердито выдавила она.

Этот куртуазный заход опоздал. Она не собиралась и дальше оставаться в обществе этих агрессивных ватников.

– Вы меня извините. Я пойду. Очень устала. – Лиза поднялась со скамейки и, не взглянув на Юру, стремительно зашагала прочь.

От неожиданности никто из собравшихся не попытался ее остановить.

«Правильно про Даугавпилс говорят, – яростно думала Лиза. – Страшно за будущее города, если тут у власти такие политики!..»

Утомленная и сердитая, она сразу отправилась к себе в гостиничный номер. Там упала на кровать и, злая на бездарный день, заснула, даже не раздевшись.

Разбудил ее телефонный звонок.

– Алло, – спросонья протянула Лиза.

Просто чудо, что телефон еще был жив – на зарядку она его, конечно, не поставила.

– Привет! – раздался мужской незнакомый голос. – Почти десять. Жду тебя у «Латголы» минут через двадцать. А то к Фишману опоздаем.

«Юра! – узнав собеседника, Лиза мгновенно проснулась. – Блин! А я в таком виде! И всего двадцать минут!»

– Доброе утро! – она добавила в голос бодрости. – Конечно. Я как раз собираюсь.

На душ и чистку зубов ушло десять минут, еще две – на платье и кеды, а оставшиеся восемь она обжигалась растворимым кофе из гостиничного набора для выживания и пыталась сжевать пару крекеров, которые валялись в сумке с незапамятных времен. Когда она спустилась в фойе, Рюмин уже переминался у входа.

Он оглядел Лизу и лаконично осведомился:

– Идем?

Лиза молча кивнула.

По дороге они почти не разговаривали. Лизе хотелось спать или, по крайней мере, валяться в кровати до полудня, полистывая френд-ленту. Вчерашние знакомцы представлялись ей людьми ограниченными, как религиозные фанатики, особенно этот Виктор. На Юру девушка откровенно дулась: вместо того чтобы поддержать ее во время спора, он скорбно помалкивал в стороне.

Рюмин тоже был разочарован. Когда он увидел вчера Елизавету в кафе, он придумал себе бог весть что – любовь с первого взгляда. Барышни Даугавпилса давно примелькались, казались привычными, как домашняя мебель. К тому же, на Юрин вкус, красавицы среди них встречались редко, а те, что встречались, сразу шли на экспорт в Европу. И еще – в них не было лоска, не было стиля. Их привлекательность никогда не разила наповал, а скорее, душила. От них веяло провинциальностью. Лиза была совсем другая, из другого измерения. Мало того что она выглядела как девушка с обложки, она еще и вела себя совершенно естественно. Юрий рядом с ней чувствовал себя неожиданно радостно и легко. Так легко и радостно ему никогда раньше не было.

«Как можно на серьезных щах нести всю эту либеральную пургу?! Да еще при друзьях?! Ну не может нормальный человек верить в европейский рай! Не может!» Ему было стыдно и за нее, и за себя: что теперь о нем подумают? Решат, привел какую-то дуру... Мало того, теперь он ведет эту девушку к любимому учителю: «А вдруг она и там... Кажется, теперь в России считается хорошим тоном все отрицать: и подвиги, и победы... Может, попросить ее... не то чтобы помолчать, но хотя бы не так резко высказываться?..»

Они прошли улицу Гимназияс, свернули на Райниса. Юрий не выдержал, блеснул:

– Имя самого известного латышского поэта здесь не просто так. Он в этих краях родился. Лиза бесцветно угукнула.

Еще через несколько минут показался выводок светло-желтых трехэтажных домиков, к одному из которых уверенно и направился Рюмин. Дверь подъезда со следами сорванных объявлений была широко распахнута и для надежности подперта кирпичом. Видимо, здесь не опасались квартирных краж, бомжей или наркоманов.

Молодые люди поднялись по пахнувшей кошками лестнице на второй этаж. Юрий трижды коротко позвонил. За обшитой вагонкой дверью завозилась жизнь.

– И кто же это там пришел? – наконец послышался насмешливый дребезжащий голос.

– Бронислав Давидович, это мы. То есть Юра.

В районе замочной скважины заскрежетало и защелкало.

– Вот что я тебе скажу, дорогой мой Юрочка: говорить о себе любимом «мы» – это таки очень дурная примета. Не дай бог! Все, кто так начинал, плохо заканчивали, чтоб ты был здоров! И это я еще ничего не сказал за Наполеона!

Дверь приоткрылась, и в сумерках коридора возник весьма невысокий и весьма пожилой мужчина с вьющимися волосами и узким вытянутым лицом, что делало его похожим на русскую борзую. Сцепив пальцы над круглым плотным животом, выпирающим из-под вязанной кофты, он качнулся взад-вперед на пороге, потом приглашающе распахнул дверь и стал отступать вглубь коридора перед входящими гостями. При этом он продолжал неожиданно бодро и без умолку говорить.

– Теперь, когда ты наконец пришел не один, я уже стал спокоен. И как зовут эту чудесную красавицу? Как вас зовут, чудесная красавица? Лиза! Вы знаете, Лиза, я не мог не волноваться, хотя Лиечка утверждает, что мои тромбы только этого и ждут, так вот я все равно не мог не волноваться, потому что этот прекрасный мальчик всегда приходит ко мне один. С вином, с тортом, даже как-то раз с цветами, но – один! Спасибо, что не приносил кольца! И вот теперь он пришел хоть и без торта, но зато с вами, и я теперь наконец совершенно спокоен за него. Совершенно!

– Бронислав Давидович, я принес пирожных. Торты вашего любимого не было. – Рюмин обескураженно развел руками, достал из рюкзака картонную коробочку, перевязанную сутажом, и вручил ее Фишману.

«А я-то хороша! – устыдилась Лиза. – Собралась в гости с пустыми руками! Как хорошо, что Юра не забыл!»

Старик усадил гостей в некогда плюшевые кресла с полированными подлокотниками – настоящий советский шик, – а сам умчался на кухню готовить чай. Не прошло и пяти минут, как он вернулся, держа перед собой потертый жостовский поднос, уставленный чашками, банками с вареньем, восточными сладостями и конфетами в обертках и без. Под мышкой Фишман держал початую бутылку шампанского.

– Бронисла-а-ав Давидович! Опять вы... Лия Брониславовна же меня...

– Дорогой Юра, – скорбно перебил его Фишман, – прямо сейчас ты должен выбрать сторону: ты за того, кто тебя учил только хорошему, или за ту, кто не дает родному отцу и шагу ступить? Поэтому или я выпью один, и это будет только хуже – и Лиечка, между прочим, тоже так считает, – или я принесу бокалы, и мы будем разговаривать не хуже других.

– Я же обещал! У вас давление... – Юра колебался, но уже больше для вида: он еще не капитулировал, но уже был готов сдать позиции во имя мужской солидарности.

– Юронька! Когда давление – это хорошо. Вот когда нет давления, тут только патолого-анатом может помочь!

Он достал длинные бокалы, похожие на дымчатые тюльпаны, победно улыбнулся и налил в каждый по чуть-чуть. Они чокнулись и выпили.

– Бронислав Давидович! Давайте сразу, чтобы не забыть. Лиза – студентка-историк из России. Из Петербурга. Она ищет следы одного нашего летчика известного, даже знаменитого в тридцатые годы... Герберт Мелдерис. Вроде бы в начале войны он жил или бывал в Даугавпилсе.

Лиза умоляюще посмотрела на пожилого профессора.

– Вы что-нибудь о нем знаете? Может быть, помните?

Внезапно лицо Фишмана стало очень серьезным. Оно на глазах обвисало, как будто изнутри откачивали воздух. Теперь на нем остались только длинный костлявый нос и выцветшие голубые глаза под красными веками.

– Видите ли, деточка... Не всех людей, которых помнишь, хочется вспоминать...

Глава 4

Воскресенье 22 июня 1941 года началось для Герберта Мелдериса как обычно: проснулся в половине шестого, сделал зарядку, позавтракал и отправился на работу. У советских – свои порядки: воскресенье, не воскресенье – иди трудись. Впрочем, он уже приспособился, привык. Пару месяцев назад ему удалось устроиться мастером на электротехническую фабрику ВЭФ, и за свое место он держался. Взяли радиотехником – приемники собирать. Хорошее место, да и зарплата довольно приличная. Конечно, не для национального героя Мелдериса, но для бывшего офицера, который собирался в ближайшее время покинуть большевистскую Латвию навсегда – лучше не придумать. Работа чистая и должность незаметная.

В Риге война началась в семь утра, когда на город упали первые немецкие бомбы. Однако смена в радиотехническом цеху шла по графику, а утренний налет остался за проходной. Люди перешептывались, пересказывали друг другу подробности, непонятно как проникавшие на фабрику, но работали – упаси господь заподозрят в саботаже.

В полдень из радиоточки раздался голос народного комиссара Молотова:

– Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...

Работа замерла. Теперь уже точно, никакие это не слухи – война! Что-то мгновенно изменилось в людях, страх и неизвестность заморозили, побелили лица. Они обрели сходное выражение и стали похожи на предметы. Одинаковые предметы.

Герберту было тревожно вместе со всеми: потели ладони, неритмично стучало в висках, но где-то на краю сознания он вдруг ощутил облегчение. Сумятица и неразбериха первых дней войны давали Мелдерису шанс изменить судьбу, еще раз выбрать ее заново.

Последнее время он старался не думать про Швецию, не ходил на побережье проводить спрятанную лодку, перестал прикупать золото. Лучше было не томиться ожиданием, не берeditь задуманное, а то побег опять сорвется из-за глупой чепухи, как в прошлый раз.

Он собирался отплыть 16 мая. Идеальное время выбрал: поздним вечером в пятницу на взморье пусто, и погода по всем приметам должна была стоять подходящая... Черт понес его в проклятый кабак посидеть напоследок!

Накануне побега, в четверг, после работы Мелдерис отправился побродить по Риге. Он неторопливо мерил шагами знакомые улицы, вглядывался в дома, людей, прислушивался к случайным разговорам. Герберт не чувствовал тоски, не сомневался ни в чем, просто хотел попрощаться с городом, с которым сроднился.

Порядком нагулявшись, он завернул в какой-то неказистый трактир на улице Заля. Специально выбрал тот, где не бывал раньше. Ни к чему сейчас приятельские посиделки: он опасался, что может выдать себя случайным словом или даже интонацией. А такое место – тертое, с непрезентабельной публикой – было в самый раз. Герберт заказал пива и свинины с фасолью. Выпив и проглотив первые куски, он обмяк на стуле и рассеяно огляделся. Тогда-то Мелдерис и увидел того еврейчика – Андрея Левинса. Недаром говорят, что Рига – город небольшой, здесь всегда можно встретить знакомого.

Маленький мерзавец что-то жевал, не отводя взгляда от газеты, и его пальцы оставляли на странице жирные следы, заметные даже с такого расстояния. «Боже, какая свинья! – брезгливо поморщился Герберт. – Невоспитанное отребье! Я уезжаю, а он остается здесь победителем. Хозяином Латвии... и Линды».

Когда из памяти вырвалось заветное имя, Мелдерис потерял самоконтроль. Наверное, сказалось постоянное напряжение, которое он испытывал в течение нескольких последних недель – с тех пор, как начал готовить побег. Что-то лопнуло, сдетонировало внутри. Злость смешалась со страхом, и взрывная волна похоронила здравый смысл. Герберт встал и, буравя взглядом соперника, направился к нему. Подошел, резко отодвинул свободный стул и уселся напротив, опершись локтями на стол.

– Здравствуйтесь, товарищ Левинс, – он надавил на слово «товарищ». – Какая удивительная встреча!

Юноша дернулся, уставился на Герберта, перестал жевать и быстро заморгал. Очевидно испугался, но держал себя в руках и старался казаться спокойным.

– Здравствуйтесь, товарищ Мелдерис.

Андрей не поднялся, не подал руки.

«Уж не в портки ли ты напаскудил, дружок, со страху?» – съязвил про себя Герберт и широко улыбнулся.

– Давно ли из Даугавпилса? Надолго к нам в Ригу?

– Сегодня приехал, через два дня – назад.

«Хорошо бы сейчас съездить ему в рыло, – размышлял Мелдерис. – Проломить нос, а лучше – челюсть, чтобы он, подбирая слюни, всю жизнь помнил об этой поездке. А Линда... Пусть знает, какого слюнтя выбрала». Но он сдержался. Драка в общественном месте при свидетелях – в трактире было еще человек пять, не считая обслуги – грозила обернуться ночью в участке и вообще ненужным вниманием к его персоне. Разумнее всего было прямо сейчас попроситься и уйти.

– Как поживает госпожа... товарищ Вилцане?

– Товарищ Левина. – Андрей едко улыбнулся. – Мы поженились.

Герберт сжал рот в плотную линию и сцепил пальцы, чтобы взрывная волна не вырвалась наружу словом или движением. Он сделал несколько медленных вдохов и выдохов.

– Поздравляю вас. И как поживает молодая коммунистическая семья? Жалования официантки на двоих хватает?

– Почему же официантки? Я тоже работаю. Преподаю историю в школе.

Мелдерис изобразил вежливое удивление.

– Неужели в школе? Не в иешиве? У вашего народа, насколько я понимаю, свои учебные заведения...

– Я, товарищ Мелдерис, прежде всего коммунист, а только потом уже еврей. – Андрей твердо посмотрел на собеседника. – Я верю в победу мировой революции, в победу пролетариата, а прежние национальные местечковые ценности – это уже история.

– Высокие убеждения! – ухмыльнулся Герберт. – Ваша решимость очаровательна. И что же, вы совершенно порвали с сородичами? Ну, с теми, которые придерживаются традиций. Разумный выбор. Дальновидный. Знаете, в некоторых странах Европы, например в Германии, жидов решительно изолируют от прочего населения. Чтобы ваши бывшие единоверцы не могли больше вредить нормальным людям. Тем же, кстати, немецким рабочим. Не придется им больше богатеть за чужой счет. Но к вам, товарищ Левинс, это теперь совершенно не относится.

Он нарочито хохотнул и сделал характерный жест – словно стряхивает с головы перхоть. При этом Герберт с удовольствием наблюдал, как лицо молодого человека сначала побледнело, а потом по щекам расплескался гневный румянец.

– Хочу спросить, Мелдерис. Все эти мерзкие вещи вы говорили сейчас потому, что вы – обычный подлец, или потому, что хотели оскорбить лично меня? Я полагаю, второе. Смиритесь уже! Линда моя жена. И вашей она никогда не будет.

Герберт снова сжал кулаки. Чудо, что сдержался, не вбил передние зубы в этот нагло ухмыляющийся рот, не вдавил птичий кадык в тощее горло, чтобы никогда больше не мог мелкий слюнтяй говорить ему, Мелдерису, такое. Снова: глубокий вдох, выдох.

– Не хочу вас разочаровать, но ваша супруга меня не интересует, – сказал он, яростно улыбаясь. – У меня не было в отношении госпожи Вилцане серьезных намерений, – он слегка наклонился к Андрею и продолжил громким шепотом: – Вы как мужчина меня поймете. Просто немного женской ласки... Линда, конечно, прелестна, но, мягко говоря, не моего круга. Зато вам вполне подходит...

– Убирайтесь! – заорал Андрей, вскакивая из-за стола. – Пошел вон!

– Успокойтесь. – Герберт откинулся на спинку стула и победно улыбнулся. – Ведете себя как невоспитанный дурак. Впрочем, жена ваша тоже умом не блещет. Была бы чуть расторопнее – взяла бы деньги. Я не скуплюсь, когда речь идет об удовольствиях.

Андрей зарычал, одним движением оттолкнул в сторону стол и под аккомпанемент разбивающейся посуды вцепился в Герберта. Драться Левинс явно не умел, но сейчас иначе было невозможно. Он не мог сообразить, бить ли, душить, поэтому в ярости хватал обидчика, как будто намеревался разорвать на части, пока Мелдерис методично выколачивал его, как старый ковер.

Их довольно быстро растащили. Мало того, не в меру законопослушные граждане отвели обоих под руки в милицейский участок, где и пришлось заночевать. Мелдерису ничего особенного не грозило – свидетели единогласно указали, что первым напал Левинс, а летчик лишь защищался.

Впрочем, не все было гладко. Пара кровоподтеков Герберта выглядели невыразительно по сравнению с распухшей физиономией и сломанным ребром молодого коммуниста. Вдобавок очевидцы утверждали, что Мелдерис порочил жену обвиняемого и тем спровоцировал драку. Дошло до суда. И пока машина юстиции неспешно раскачивалась, пришлось отложить побег. Он не хотел, чтобы во время последних приготовлений ему в спину жарко дышала советская милиция.

Левинсу светило полгода принудительных работ – это, безусловно, искупило бы задержку, но советский суд назначил лишь сто рублей штрафа. Видите ли, драка началась «под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего». Мелдерис был опустошен и разочарован.

А через неделю после этой истории произошло еще кое-что.

В те дни Герберт старался чаще бывать на людях: в четырех стенах ему становилось тревожно и тоскливо. Питейные заведения он теперь обходил стороной и обычно после работы прогуливался по зазеленевшим и усыпанным цветами рижским паркам.

Как-то, повинуясь весне, он заглянул в дансинг. Там он сразу заметил чудесную юную блондинку, свежую и нежную, как майский вечер. Недолго думая, Мелдерис пригласил ее на фокстрот.

– Разрешите представиться: Герберт Мелдерис. Позвольте узнать ваше имя? – сказал он, любуясь собственной старорежимной галантностью.

– Я Магда... Медем. Простите, а вы тот самый Мелдерис? Летчик?

– Скорее, бывший летчик. – Он тепло улыбнулся в ответ на расцветающий в ее глазах восторг.

– Я сразу вас узнала! Только не могла поверить... Я до сих пор храню газетные вырезки. Я так восхищалась вами, еще когда была школьницей. Вы же настоящий герой!

Она зарозовела, привстала на цыпочки и посмотрела на него так... Раньше на Герберта так смотрели многие девушки, не то что теперь.

После танцев он проводил Магду домой, а через пару дней ее родители пригласили Мелдериса на ужин. Большевицкие порядки как будто не коснулись семьи Медемс, и тем вече-

ром он упивался домашним теплом, светской беседой, полузабытым вкусом славы и обходительностью хозяев.

Шли дни, а он все откладывал побег. Нельзя сказать, что Мелдерис страстно увлекся Магдой, хотя она была естественна, мила, образованна, а главное, ежеминутно тешила его самолюбие бескорыстным благоговением и обожанием. Он, скорее, влюбился в ее семью: в отца, чей предок, рыцарь Тевтонского ордена, участвовал еще в битве при Раквере; в незаметную, с безупречными манерами мать; в экономку, которую выдавали за дальнюю родственницу, – безмолвную, ширококостную, с единственным выражением лица; во весь этот чудесный быт – отполированный, накрахмаленный, отлаженный, как швейцарские часы. Его засасывало в воронку отнятого большевиками будущего. Возвращаясь от Медемсов, Герберт каждый раз думал одно и то же: если бы не проклятая новая власть, ему не пришлось бы бежать. Он открыл бы свое дело, завел приличную квартиру, с прислугой, белыми скатертями и столовым серебром; женился бы на девушке из хорошей семьи. Он бы летал, конструировал, писал книги... А теперь ему придется начинать жить сначала, как будто этих сорока лет вообще не было. Большевики их украли.

Мелдерис хотел и не хотел бежать. Он безотчетно ждал какого-нибудь знака, чтобы наконец решиться. И судьба в одно движение высыпала перед ним знаки, как неопытный шулер два комплекта козырей.

Сначала Латвию залихорадило от подоспевшей депортации. Советский Союз пускал кровь всем вновь приобретенным территориям: «неблагонадежных» вагонами отправляли в Сибирь. Никто не знал точное число высланных – ходили слухи о сотнях тысяч. И хотя реальные цифры были на порядок скромнее, паника росла день ото дня.

Официальные формулировки не вносили ясности. Жернова «мероприятий по очистке от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» молили без разбора: членов упраздненных политических партий, бывших офицеров, «белоземigrants», ремесленников, лавочников, зажиточных хуторян, клириков любых конфессий. Кто угодно мог быть опасен, если как следует присмотреться.

Герберт удивился, что его не тронули. Он, конечно, в последнее время вел себя разумно, даже осторожно. Как сменилась власть – пригнулся, ни с кем особенно не откровенничал. Если начинался опасный разговор, помалкивал: плевать против ветра – себе дороже. А еще был тот визит в Москву, в КБ Яковлева. Возможно, большевики все еще имели на Мелдериса виды. Но расслабляться не следовало.

Среди приятелей и знакомых Герберта настроения были отнюдь не радужные. Не он один – многие латыши существенно потеряли при Советах, а теперь еще ледяным призраком маячила Сибирь. Мелдерис старался поменьше говорить и побольше слушать. Бывшему герою-летчику обычно доверяли.

– Среди комиссаров большинство – жида, – тощий сутулый Артис всегда говорил невнятно, будто с кашей во рту. – Как утвердилось их власть, сразу повсюду своих расставили... Недавно ездил навестить тетку в Варакляны. Там новый городской начальник. Кто, думаете? Жид! В Ливанах, в Прейли – то же самое. И здесь, в Риге, они теперь все решают. Давно списки латышей составлены – кого к стенке, кого в Сибирь... Мало у нас было своих жидов, еще чужие прикатали. А с пришлыми они силу-то почуяли! Вот и началось... Больше мы не хозяева на своей земле.

Не только Артис так считал. Трудно спорить с очевидным. Мелдерис молчал, но внутри все пылало от гнева. Жидам оказалось мало украсть его любовь, они теперь насильствовали его Латвию! Какого еще знака он ждал?!

Для побега все было подготовлено, а он хоть и понимал – пора, по-прежнему тянул. И вот – война!

Вечером двадцать второго объявили мобилизацию. Призыв касался тех, кто родился с 1905-го по 1918-й и был гражданином СССР до 1940 года. В общем, обошлось. Мелдерис со своим девятисотым оказался староват и при Советах прожил только последний год. Но расслабляться не стоило: сейчас не подошел, а завтра еще как согдится. Герберт был точно уверен в одном: сражаться за красных он не пойдет. Он понимал, что с дезертирами нянчиться не будут: поймают – поставят к стенке; но лучше быть расстрелянным, чем идти против совести.

Он еще раз просмотрел спецвыпуск газеты *Sīņa*³. Страницы пестрели призывами: «За родину! За Сталина!» Статьи подхватывали: «Латышский народ не забыл звериной немецкой оккупации в 1918 году», «Немецкий черный рыцарь снова хочет прийти на нашу землю, чтобы отнять нашу свободу...»

«*Vilks ganam peļautā, vai var aitas ķert*⁴», – усмехнулся про себя Герберт.

На следующий день он купил ради разнообразия свежий номер «Пролетарской правды». На первой полосе красовались фотографии Сталина и Молотова. Оптимистический заголовок передовицы «Поведем победоносную Отечественную войну!» Герберт прочел с нескрываемым сарказмом в душе. Он, естественно, следил за ходом военной кампании. Мощь немецкой армии, которая за пару лет по куску сжевала всю Европу, впечатляла. Кто мог ей противостоять? Уж конечно, не рабоче-крестьянские солдатики! Красная армия обделалась даже в стычке с мирной маленькой Финляндией. Не у одного Мелдериса, у многих сторонних наблюдателей мнение о боеспособности молодого советского государства складывалось невысокое.

В том же номере газеты был напечатан указ о введении в Прибалтике военного положения. Во всех приграничных районах – и в Латвии, конечно, тоже. Гражданскую власть передали командирам, и они получили право распоряжаться людьми, их имуществом: «привлекать граждан к трудовой повинности, устанавливать военно-квартирную обязанность, изымать транспортные средства и иное имущество, ограничивать уличное движение, производить обыски и задержания подозрительных лиц». Всякое движение по городу с двадцати вечера до пяти утра запрещалось. Советы закручивали гайки, срывая резьбу.

«Если бы мы смогли договориться... – Герберт привычно включил в это „мы“ не только латышей, но эстонцев и литовцев. – Если бы мы смогли объединиться тогда, год назад, и еще раньше... Если б боролись, сопротивлялись – красные не хозяйничали бы сейчас в Риге!»

Однако теперь эта мысль, ставшая за год привычной, больше не погружала его в безысходность. У Мелдериса появилась надежда, что Гитлер заставит коммунистов расплатиться за все.

Эта надежда крепла с каждым часом. Она приобрела имя – Совинформбюро, и голос – густой, гулкий, как церковный колокол.

– Сегодня, двадцать четвертого июня, – речь диктора торжественно текла из воронки под потолком цеха, – противник продолжил наступление на Шауляйском, Каунасском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлении, встречая упорное сопротивление войск Красной армии...

«Наступают! – Мелдерис старался сохранять лицо бесстрастным, не показывать радость. – Советы долго не протянут. Немцы быстро наведут в Латвии порядок... Хорошо, что я остался, не бежал тогда в мае. Кто знает, как бы все повернулось?...»

На ВЭФе теперь постоянно проводились митинги, хотя выработку никто снижать не собирався – нормы только повышали. Завод переориентировали на военные нужды, и теперь предприятие выпускало радиооборудование для армии. Присутствие на митингах было обязательным. Ораторы сменяли друг друга, повторяя слово в слово одно и тоже: «Мы, рабочие

³ Борьба (латыш.).

⁴ Волк пастуха не спрашивает, можно ли овец ловить (латыш.).

Советской Латвии, отдадим все наши силы, чтобы защитить нашу социалистическую Родину! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Смены увеличили до двенадцати часов. Работать к концу дня становилось невыносимо: от мелких радиодеталей рябило в глазах, а веки чесались и краснели, как засыпанные песком. Партийные активисты в перерывах между митингами начали формировать отряды добровольцев – рабочие батальоны.

«Паразиты! – Мелдерис и раньше с трудом выносил этих горлопанов, но сейчас его брезгливость обратилась в ненависть. – Сами не воюют, не трудятся, только агитировать горазды. Привыкли! Скорее бы немцы...»

Кроме военных сводок, по радио то и дело передавали распоряжения и приказы. Они усиливали всеобщую тревогу: возбуждали умы горожан и выплескивались на рижские улицы паническим хаосом.

Особенно взбудоражил рижан приказ, который предписывал «гражданскому населению оказывать помощь войскам в борьбе с диверсантами, бандитскими группами и парашютистами врага». По нему выходило, что не только «засланных», но и всех «содействующих» следовало арестовывать и судить по законам военного времени.

Никто толком не знал, как должен выглядеть лазутчик: им мог оказаться каждый. «Охота на ведьм» шла полным ходом – почти никто никому не верил, все подозревали всех.

Эту гнетущую пелену страха советские газеты не то чтобы игнорировали, но толковали по-своему, обвиняя во всем фашистскую пропаганду. В «Пролетарской правде» писали, что «среди населения округа с началом военных действий противник стал распространять ложные слухи с целью посеять панику, нарушить работу тыла, ослабить оборону». Герберт понимал: красные сдают на всех фронтах – и военных, и идеологических.

Бомбили все чаще – городской аэродром, железнодорожный узел, другие «объекты». Рига раз за разом окутывалась пылью и черным дымом. На ВЭФе рабочим раздали памятки, в которых разъяснялось, как вести себя во время воздушной тревоги. В обязанности граждан входило: «Приготовить средства индивидуальной защиты, незамедлительно погасить огонь в печи, выключить обогревательные приборы, газовые плиты, примусы. Перекрыть в квартире газопровод, укрыть быющиеся предметы, завернуть в плотную бумагу продукты. Закрыть окна и двери, дымоходы и вентиляцию...»

Герберт рассеянно листал брошюрку и думал, что главная его задача в эти дни – не погибнуть нелепо от случайной бомбы, а обязательно дожидаться прихода немцев. Он чувствовал: уже скоро.

Мелдерис был не единственный, кто радовался победному маршу вермахта: многие ждали гитлеровцев, как ждут освободителей. В Риге на улицах постреливали, нападали на советских активистов, портили линии связи. Вряд ли это было исключительно делом рук вражеской резидентуры. А она, резидентура, была – вскоре Мелдерис узнал, что в Латвии перед войной действовало несколько подпольных организаций, державших контакт с немцами: «Страж отечества», «Младолатыши», КОЛА, Латвийский национальный легион. Уж очень многим не нравилась нынешняя власть, многие надеялись на ее поражение. Позже он искренне удивлялся, что в тот советский год ничего не знал об их деятельности – хотя в рядах этих организаций состояло немало старых армейских знакомых.

Сейчас, в первые дни войны, Герберт был осторожен как никогда: даже из дома по пустякам не выходил – только на работу. Перестал навещать Магду и ее семью, почти не гулял, старался лишний раз не появляться в общественных местах. А главное, избегал любых разговоров, особенно с коллегами на фабрике – в такое смутное время никому нельзя доверять.

Фронт неумолимо подползал к Риге – германская армия наступала со стороны Елгавы. Началась эвакуация жителей на восток, в сторону Резекне, Даугавпилса, на Полоцк, Опочку и Остров. Все это только усиливало неразбериху. Лихорадочно восстанавливали недавно рас-

формированные части Рабочей гвардии, которые патрулировали город. Поговаривали, что в эти батальоны записывались в основном рижские евреи. И это понятно: с приходом Гитлера они должны были лишиться всего, переселиться в гетто – ничего удивительного, что они взяли за оружие. Но среди гвардейцев немало было и латышей. Вот кого следовало считать предателями и отступниками! Единственное объяснение этому факту, которое нашел для себя Мелдерис, – этих людей обманули. Обманули еврей-коммунисты: наобещали с три короба, заманили, запугали, дали на сантим, а обратно потребовали на лат. Порченная порода! Он холодел от ненависти, даже дышал с трудом, как в кабине самолета на большой высоте.

С начала войны прошло меньше недели, а Герберт уже привык к воздушным тревогам – они случались по нескольку раз на день. Гораздо хуже было то, что перестали ходить трамваи. По некоторым центральным улицам и по мостам через Даугаву запретили передвигаться даже пешеходам. Впрочем, ВЭФ, как и другие заводы и фабрики, закрыли, так что теперь он сидел дома и из окна, как из театральной ложи, наблюдал за развитием сюжета. Внизу время от времени дребезжали телеги, груженные мебелью и разным барахлом: тюками с одеждой, домашней утварью, детскими игрушками, колясками. Видимо, некоторые еще надеялись спасти имущество, спрятать его подальше от войны.

Как-то вечером Мелдерис, спустившись за свежими новостями во двор, увидел на стене листок-объявление. Текст в нем был отпечатан на машинке под копирку: «За контрреволюционные действия – акты диверсии, террористические действия, помощь противнику – были арестованы граждане: Лукинс Миервалдис Янович, Райниц Николай Георгиевич, Нейбергс Хейнрихс Янович, Кузнецов Матвей Николаевич, Каганс Язепс Абрамович, Чуйбе Арнольдс Янович. Арестованные приговорены к смертной казни – расстрелу. Приговор приведен в исполнение немедленно, без суда и следствия. Начальник Рижского гарнизона генерал-лейтенант Сафронов».

Этот листок вызвал у Герберта внутренний спазм.

«Что может быть хуже такой бессмысленной, глупой смерти?! Через несколько дней, может недель – но в любом случае совсем скоро, – немцы войдут в город. А они не дожили! И я могу не дожить... Вся моя осторожность окажется напрасной. Какой-нибудь Левинс покажет, что я вредитель, шпион, и сам же шлепнет из комиссарского нагана. Без суда и следствия. Ну нет, товарищ большевик! Такой радости я вам не доставлю...»

Мелдерис вернулся в квартиру и решил выходить теперь только в случае крайней необходимости. Снаружи все равно делать было нечего. Советская власть разграбила, выпотрошила Ригу. Из города выскребли все, что представляло хоть какую-то ценность: от велосипедов до льна-сырца. Рестораны, кафе, пивные, магазины и лавки стояли брошенными, зияли выбитыми окнами, пустыми витринами, черными провалами снятых с петель дверей. По утрам, правда, еще привозили свежий хлеб и молоко, но это почему-то не казалось важным. Может быть, рижане не успели еще устать от войны – оголодать, замерзнуть, натереть мозоли, – чтобы ценить эти маленькие радости.

Немецкая армия взяла Елгаву и Даугавпилс. По железной дороге перестали ходить поезда. Потом закрыли порт. Последний караван судов двигался уже под непрерывной бомбежкой. Красноармейцы и гвардейцы из рабочего ополчения рыли окопы прямо на набережной Даугавы, строили из булыжников укрытия. У железнодорожного моста установили зенитную батарею, а недалеко от вокзала встал бронепоезд.

Очень жаль было радиоприемника СВД-9, который Герберту пришлось сдать по предписанию властей. Раньше он слушал передачи германских радиостанций, восхвалявших громкие победы германской армии, рассказывавших о десятках тысяч сдавшихся в плен красноармейцах и огромных трофеях. Теперь приходилось довольствоваться сводками Совинформбюро из дворового громкоговорителя. Эти сообщения были беспомощно лживы и шли вразрез с логикой происходящего.

– На одном из участков фронта немецкие войска вступили в бой пьяными и понесли большие потери убитыми и ранеными. Пленные немецкие солдаты заявили: «Перед боем нам дают водку...»

«Какая глупость! Неужели Советы не способны придумать что-то более убедительное? – Мелдерис вглядывался в лица соседей, которые, казалось, верили, согласно кивали, надеясь на чудо. – Что за бараны! Разве они не понимают, что их обманывают, что дисциплина и порядок у немцев в крови? Пьяные – в бой?! Скорее это большевистские свиньи не могут сражаться без водки!»

Герберту было совершенно не жалко этих обывателей. Они заслуживали любой участи, потому что потеряли способность здраво мыслить и действовать. Они хотели верить вранью, льющемся из черной радиоворонки, хотели быть обманутыми. Ну что ж, им же хуже.

В субботу, 28 июня, с самого утра во всем городе перекрыли движение. На улицах попадались случайные прохожие, но в основном рижане старались не высовываться, сидели по домам. То и дело раздавались выстрелы, пулеметные очереди. После обеда по радиоточкам неожиданно передали приказ всем явиться на рабочие места. Конечно, Мелдерис никуда не пошел. Только глупец мог откликнуться на приказ агонизирующей власти, а он глупцом не был.

Миновал еще день. Вечером 29-го прогремели взрывы, такие мощные, что их можно было принять за землетрясение: на воздух взлетели склад боеприпасов в Межапарке и бензина в Милгрависе; ближе к ночи были подорваны все мосты через Даугаву. После этого фейерверка, утром в понедельник, советские войска ушли окончательно, сдав правобережную часть города. Рига освободилась от власти красных.

Самое удивительное, что в эту первую неделю войны городские телефоны работали без перебоев: можно было звонить даже через линию фронта. Мелдерис связался с Вилисом, старым приятелем, который жил в Пардаугаве. Рассказу Вилиса он доверял больше, чем радиосводкам.

– Ходил смотреть поле боя. Да, вот только вернулся... Пробирался по Виенибас-гатве, мимо Баускас и кладбища Мартина – до набережной. Прошел мимо взорванных мостов, понтонного и железнодорожного, до Валгума. У понтонного моста видел, как на правом берегу немцы тащили пушку. Со стороны железки. Несколько раз пальнули через Даугаву в сторону Ильгюциемса и аэродрома Спилве. Там еще оставались красноармейцы... Обратный шел на площадь Узварас мимо товарной станции Торнякалнс. Повсюду трупы русских, мертвые лошади, разбитые машины, повозки. Оружие брошено... Можно было целый арсенал набрать, но решил не рисковать. Убитых немцев не видел. Посредине Баускас вкопана немецкая пушка – направлена через Виенибас-гатве на кладбище Мартина. Там русские собирали убитых...

В последний день июня части 26-го корпуса вермахта форсировали Даугаву в районе Катлакална, и уже первого июля немцы вошли в Ригу. Герберт увидел, как из домов напротив выбегают люди – смеются, обнимаются. На некоторых зданиях появились трехполосные красно-белые флаги. Мелдерис ликовал! Его мечта стала реальностью. Весь последний год он надеялся, что над Ригой опять взвоется знамя Латвийской Республики – знамя, которому он присягал!

Люди кидали шапки, кричали «Lai dzīvo!⁵». Вдали показался военный отряд. Немцы! Освободители! Мелдериса охватило радостное возбуждение. Он был больше не в силах оставаться дома и выбежал на улицу. Солдаты приблизились, и стали заметны цветы, вставленные в петлицы. Они шагали, потомки нибелунгов, уверенно, твердо, гордо и неумолимо. Им кричали «Ура!», махали руками. И куда подевались те, кто еще недавно в тревоге внимал громкоговорителям? Эвакуировались? Затаились?

⁵ Да здравствует! (латыш.)

Мелдерис радовался вместе со всеми. Он чувствовал себя пьяным от свободы, от счастья. Теперь наконец его жизнь наладится! Теперь ему не нужно бежать в чужую страну, скитаться в поисках новой родины. Он остается! Он снова сможет ходить с высоко поднятой головой, не прятать взгляда, не страшиться случайных встреч и откровенных разговоров. Конечно, война не окончена. Для того чтобы колосс СССР пал, нужно время. Время и силы. И он, летчик Мелдерис, все свои силы отдаст великой Германии! Да, в люфтваффе служат настоящие асы, но и он ведь не простой пилот.

Герберт не сомневался, что его услуги понадобятся. Не следовало поддаваться эйфории – нужно было составить четкий план действий на ближайшие дни. Во-первых, пока Ригу окончательно не очистят от красной заразы, необходимо по-прежнему сохранять максимальную осторожность: в уличных боях трудно разобрать, где чужие, где свои, а от немецкой пули хотелось умереть еще меньше, чем от советской. Во-вторых, как только в городе установится порядок, нужно отправиться в ближайшую комендатуру. Мелдерис полагал, что достаточно будет просто назвать себя. Его имя, которое еще недавно не сходило со страниц европейских газет, сможет обеспечить ему место в ВВС Германии.

Однако усидеть в четырех стенах оказалось трудно. Слишком долго он ждал свободы, чтобы теперь не поддаться ее хмельному зову, а проявить выдержку и благоразумие. Он везде замечал приметы новой, бессоветской жизни. Громкоговоритель во дворе теперь передавал последние новости на латышском, а недалеко от деревянных сараев прямо на земле кучкой бурой бумаги валялись разорванные второпях партбилеты. Казалось, Рига стряхивает с себя прошедшее, как лохмотья, и вот-вот станет прежней гордой красавицей.

Воодушевленный Мелдерис вышел из дома, чтобы вместе со всеми послушать радио.

– Конец садистскому еврейско-большевистскому режиму! Латвия опять свободна! – длинные звуки родного языка радовали его слух не меньше, чем смысл произносимых слов. – Я обращаюсь к каждому латышу, которому дорога Родина! Я призываю всех мужчин, способных носить оружие, собраться у Пороховой башни!..

Эта речь возбудила Герберта, мгновенно отозвалась внутри. Теперь он отсиживаться не хотел. Не раздумывая, даже не дослушав до конца, он отправился в Старый город, туда, где собирались ополченцы. Мелдерис шагал быстро, но замечал, что на улицах беспокойно: кто-то мародерствовал, обчищая продовольственные магазины, из дворов раздавались пьяные выкрики, у стен лежали трупы советских и германских солдат. Он брезгливо поморщился: «Вот какое наследство оставили большевики! Что можно ждать от обывателей, когда сама власть велит грабить награбленное?! За какой-то год сумели развратить людей, сделать их скотами, не знающими закона и порядка», – пронеслось в голове.

Мимо промаршировал немецкий отряд, сопровождаемый военной техникой. Прохожие останавливались, махали руками, шляпами, некоторые бросали цветы. Это успокоило Герберта: «Главное, что советских оккупантов вышвырнули из Риги. А люди... люди снова привыкнув вести себя как должно. При Гитлере беспорядки станут невозможны».

Он отправился к Пороховой башне не напрямую, а сделал солидный крюк – прошелся по Старой Риге. На улицах «Старушки» оказалось тесно. Даже небольшие компании наглухо перекрывали узкие проходы, пробираться приходилось с трудом. Улочки заполняли в основном молодые мужчины. Ораторы с разной степенью воодушевления говорили об одном и том же: «о борьбе плечом к плечу с немецкими друзьями». Мелдерис задержался у одного такого стихийного собрания. Ему понравилась речь выступавшего, эмоционально, но верно.

– Наш внутренний враг еще очень силен, – голос звучал резко и гулко, как набат. – Смотрите, братья, что сделали с нашей страной проклятые коммунисты и евреи... Мы не должны позволить им снова сесть нам на шею! Латвия наконец свободна! Да здравствует наш освободитель Адольф Гитлер!

Мелдерис был согласен с каждым словом: медлить нельзя, свободу надо защищать с оружием в руках. Он двинулся дальше. Старый город выглядел удручающе: бомбы повредили Ратушу, дом Черноголовых, церковь Петра – развалины еще курились дымом. Знаменитый золотой петушок, украшавший шпиль церкви Святого Петра, валялся на земле, черный, обгоревший. Герберт никогда не видел наверху вблизи и почему-то удивился размерам: петушок оказался величиной с лошадь. Во рту скопилась горечь: поверженный символ чем-то напоминал сбитый самолет. Мелдерис снял шляпу и склонил голову. Рядом остановился немолодой мужчина.

– Люди видели, как русские подвозили сюда канистры с горючим, – сказал он, обращаясь то ли к самому себе, то ли к случайному собеседнику. – Говорят, готовили церковь к поджогу...

– Варвары! Они за это заплатят, – ответил Герберт. – А Ригу отстроим. Дайте срок.

Он слегка поклонился незнакомцу, нахлобучил шляпу и двинул прочь.

До Пороховой башни добрался быстро. Вокруг собралось уже порядочно народа, в основном мужчины. Герберт сразу решил выяснить, кто здесь главный, чтобы предложить свои услуги опытного офицера. Одного взгляда на нестройную, рассеянную толпу было достаточно, чтобы понять, что его организаторские и командные навыки будут как нельзя кстати.

Он начал пробираться сквозь людской водоворот, одновременно задавая вопросы:

– Где командир? Кто руководит сбором?

Неожиданно он почувствовал, что его схватили за плечо. Мелдерис обернулся: возможно, здесь оказался какой-нибудь приятель. Он на мгновение замер, вглядываясь в невысокого коренастого человечка с плоским незнакомым лицом.

– Прошу прощения?

В ответ человечек пронзительно завопил:

– Держите его! Это коммунистический шпион!

В первые несколько секунд Мелдерис не мог разобраться, кого имеет ввиду крикун. Предположить, что речь идет о нем, герое Латвийской Республики, было немислимо. Герберт растерянно оглядывался, пытался что-то невнятно объяснить, даже вырывался, пока его скручивали несколько ретивых добровольцев. Одному из них он сумел смазать кулаком в ухо, и тот подвывал на мостовой, пока остальные орал «Шпион большевиков!» и «Смерть предателю!».

Слово «смерть» вывело Герберта из оцепенения. Он вдохнул побольше воздуха и заревел громче, чем эти доморощенные ловцы шпионов:

– Немедленно отпустите! Я латыш! Я – летчик Мелдерис!

Его никто не слушал. Наоборот, он получил резкий удар под дых, в солнечное сплетение, и на некоторое время потерял способность не только говорить, но и дышать.

– Теперь-то не уйдешь, гадина, – удовлетворенно улыбался коренастый. – Придется отвечать!

Мелдерис пытался сосредоточиться: где он мог видеть этого человека, когда? Но круглое, невыразительное как тарелка лицо не вызвало никаких воспоминаний.

– Ты кто? – просипел летчик.

– Не узнаешь? – злорадно крикнул коротышка. – Смотрите-ка, не узнает! А я вот тебя узнал, будь спокоен! Слушайте! Этот человек полгода тому назад в Москву ездил! Его четыре чекиста возили! Я сперва подумал: забирать пришли. Ан нет! Через неделю вертается как ни в чем не бывало – и снова к себе на Дзирнаву! Предатель! За ним машину присылали! Он не просто какой-то большевичок, он птица важная!

Толпа угрожающе рокотала. Герберт подумал, что его могут сейчас просто разорвать на куски. К счастью, некоторые здесь все-таки сохранили способность мыслить здраво.

– Подождите! А доказательства? С чего решили, что он говорит правду? – крикнул какой-то крепкий белобрысый парень, пробираясь поближе к центру события. – Странно как-то... А ну отвечай, сам-то кто такой?! И откуда знаешь, что этот тип в Москву ездил?

Блондин явно пользовался авторитетом – его пропустили вперед. Кровожадные реплики стали глуше.

– Я – Алдис Калейс, – коротышка сплюнул себе под ноги. – Я дворником служу в их доме на Дзирнаву. Уж я все замечаю, будьте спокойны. Своими глазами видел, как его четверо в форме из квартиры вывели – как бы под конвоем, а назад потом под ручки привезли и под козырек брали. А двоюродная сестра моя – она в Угловом доме, где НКВД был, уборщицей... Так вот! Анда слышала, как распорядились его в Москву доставить. Этого вот типчика. Туда опять же под конвоем, а обратно – так со всеми удобствами. И никто за ним больше не приходил. Не беспокоили, значит, шпиона своего. Завербовали гада в Москве, точно говорю! Могу поклясться! И Анда присягнет, если что.

Герберт совершенно ясно осознал, что жизнь его сейчас закончится. Причем это будет еще нелепее, еще обиднее, чем сгинуть при большевиках «за антисоветскую деятельность» или угодить под случайную немецкую пулю. Его казнят свои же по доносу этого честного дурня-дворника. И кому есть дело до того, что он Мелдерис – знаменитый летчик и национальный герой? Разве коммунисты не могли завербовать летчика и героя?!

– Надо разобраться, – властно отрезал белобрысый. – Отведем его в префектуру. И ты, Алдис Калейс, тоже пойдешь с нами.

Глава 5

Лиза внимательно посмотрела на профессора. Раньше, скорее всего, она бы не заметила перемену в его настроении, но после смерти деда, после того, как она по три раза на дню измеряла Инте давление и капала в хрустальную стопку вонючий валокордин, гадая, вызывать скорую или обойдется, девушка забеспокоилась.

«В этом возрасте все имеет значение! Вдруг у него с сердцем плохо?!» – она растерялась и красноречиво посмотрела на Юру.

Рюмин уловил ее мысленный сигнал.

– Бронислав Давидович, с вами все в порядке? Как вы себя чувствуете? – Юрий непроизвольно привстал, наклонился к старику с явным беспокойством.

– Ой, Юра! Этот ответ уже с такой бородой, что прямо неудобно при девушке: не дожидесь! – Он тихо улыбнулся. – В моем возрасте чувствовать себя хорошо – это даже неприлично. И не смотри на меня так, словно я собираюсь зачитать завещание. Просто вспомнилось, знаете ли... В старости почему-то детские впечатления становятся острее. А имя, которое вы назвали... Я правильно вас расслышал: Мелдерис? Это, пожалуй, самое гадкое для меня имя в жизни.

– Гадкое?!

Лиза опешила. Она ожидала чего угодно, только не такого эпитета. И лицо у профессора, когда он произносил «Мелдерис», так брезгливо сморщилось, будто ему предложили лизнуть жабу.

«Напутал что-то, – подумала она. – Знаменитый летчик, герой Латвии гадким точно не может быть. Только не гадким! Наверное, припомнил какого-то однофамильца».

– Я говорила о Герберте Мелдерисе. Он до Второй мировой войны был известным человеком. Совершил беспосадочный перелет в Америку, сам сконструировал свой самолет... Его даже орденом наградили! Я узнала, что он какое-то время жил в Даугавпилсе. Вы можете что-то рассказать о нем? Об этом Мелдерисе?

Лизе показалось, что профессор смотрит на нее с жалостью, как на чужого ребенка, который лопает вредную дрянь, и запретить ему это никак невозможно.

– Я вот сейчас спрошу, а вы меня сразу простите или сделайте вид, что простили, потому что отвечать вопросом на вопрос – моя национальная привилегия. Вы случайно не еврейка? Нет? Ну ничего страшного. Так с какой целью, милая барышня, вы интересуетесь этим, с позволения сказать, Мелдерисом?

Лиза на секунду задумалась. Вообще, изначально она не собиралась врать Юриному профессору, наоборот, хотела выложить историю с дедушкиным архивом и откровенно признаться, что дело – семейное, родственное. Но слово «гадкий» предполагало другую линию беседы. Кроме того, Рюмину она тоже правды не сказала, поэтому, чтобы не путаться, повторила вчерашнюю легенду: она студентка исторического факультета из Петербурга, заинтересовалась латышским Чкаловым, стала собирать материал, обнаружила, что в биографии знаменитого некогда летчика отсутствует внятная концовка, и решила докопаться до истины.

– И что же? Сведения действительно отсутствуют? – Фишман явно был удивлен, даже как будто раздосадован.

Лиза кивнула.

– Странно. – Он по-птичьему наклонил голову набок и вниз, сцепил наверху живота узловатые веснушчатые руки и забормотал под нос. – Это очень странно. Как же так? За столько лет больше никто? Ни монографии, ни статьи? Не может быть... А с чем работали? Архивы? Интернет? Обращались к кому-нибудь из историков?

– Да. Я встречалась с Гунтисом Упениексом.

Фишман грустно улыбнулся.

– Ну да, Гунтис... Бойкий паренек был... Помню его. И что же он вам рассказал?

Лиза хмыкнула. Слово «паренек» в отношении маститого профессора Упениекса, по ее мнению, звучало диковато.

– Сказал, что Мелдерисом серьезные ученые не занимались, потому что все ресурсы латвийской исторической науки направлены на другой исторический период – советскую оккупацию.

– Вот как? Очень интересно... А мою книгу «Дети в гетто» он не упоминал?

– Нет... – Лиза пожалала плечами и откусила кусочек пирожного, решив, что хватит ему томиться на тарелке, раз уж она сегодня осталась без завтрака.

Юрий, на время выпавший из разговора, доедал уже второй эклер.

Лицо Фишмана приобрело какое-то нарочито скорбное выражение.

– А ведь меня это совсем не удивляет. Сов-сем. И не потому, что ваш Упениекс – ангажированный националистами выскочка. Да если бы он один! Я бы прямо-таки сильно изумился, если бы он не доил титьку «советской оккупации». Но в частной-то беседе мог бы и упомянуть старика. Мог бы. Впрочем, с этой монографией с самого начала все складывалось не очень. Представьте, мне ее чуть было не пришлось издавать на собственные деньги. Как будто «Дети в гетто» – не исторический труд, а какой-нибудь литературный опус, где автору лишь бы тщеславие свое потешить.

Юра стремительно проглотил пирожное:

– Да-да, это потрясающая книга! Бронислав Давидович сам все видел, собственными глазами. Он чудом выжил в даугавпилском гетто. Он собрал воспоминания других уцелевших. Он перелопатил горы документов! И после этого никто в Латвии не захотел ее издать.

Профессор смотрел на Рюмина с отцовской нежностью.

– Юронька, вот опять ты за свое. Ну кому тут могут быть интересны еврейские дети? Я вас умоляю! Ну что на них можно заработать? И потом, они же никак не иллюстрируют советскую оккупацию. Нет, конечно, я должен радоваться, что она вообще вышла, эта книжка. Небольшие деньги пришли от «Яд Вашем». И латвийское правительство дозволило. Хотя там их некоторые новые герои являются во всей исторической красе! Но в правительстве считают, что исторически достоверно только то, что полезно для национальных интересов. А я ведь все, понимаете, все могу доказать! Ручаюсь за каждое слово. Перепроверено и подтверждено источниками. Между прочим, там немало и про этого вашего Мелдериса.

Каждый раз Фишман как будто с трудом произносил имя летчика. Щурил глаза и делал небольшую паузу, словно само слово звучало неприлично. Лиза почувствовала раздражение. Туман, который напускал старый профессор, выглядел, по ее мнению, неестественно – просто театр какой-то.

– А вы не могли бы все-таки рассказать? – холодно попросила она.

– Могу. Дело в том, что Мелдерис бывал у нас в гетто. Я его хорошо запомнил. Он был не просто какой-то эсэсовец. Узнаваемое лицо. Папа и дядя Йося шептались, что его фотографии одно время в каждой газете печатали. После надзиратели отца палками забили насмерть. У меня тот день поминутно в память впечатался...

Лиза не сразу осознала услышанное.

– Простите, Бронислав Давидович... А вы уверены? Может, что-то напутали? Вы же были совсем ребенком. И потом, мало ли кто где бывал. Что он делал в гетто?

– Руководил расстрелами, – обрубил Фишман. – Он приезжал во главе ликвидационной команды.

– Такого просто не может быть! – Лиза, не сдержавшись, повысила голос. – Вы ошибаетесь! Мелдерис был гуманистом! Даже вегетарианцем. А тогда, между прочим, почти никто о животных не думал. А он думал!

– Этот вегетарианец и гуманист лично стрелял беззащитным людям в головы, – холодно отчеканил профессор.

Лизе захотелось закричать или разбить о стол чашку. Ледяной, не допускающий сомнений тон показался ей особенно несправедливым. Фишман как будто поставил на Герберте клеймо, гнусное, как воровская татуировка на лице, и его теперь не отмыть, не стереть никогда. Теперь всякий сможет ткнуть пальцем в прадедушку, обозвать палачом, погано поморщиться, встретив где-то его имя. Лиза плотно сжала губы, чтобы не расплакаться, не наговорить грубостей, и принялась обиженно разглядывать книжный шкаф справа от профессора.

Юрий понял, что надо срочно спасать ситуацию.

– Бронислав Давидович, – в нем проснулся журналист, – если не трудно, расскажите подробнее.

– Ну, подробнее всего в моей книжке. Читать вы, молодые люди, конечно, разучились. «Много букв»? Так теперь про книги пишут? Но если схематично, в двух словах... Ты наверняка слышал про команду А`райса?

Фишман теперь обращался исключительно к Рюмину, на Лизу не смотрел, взглядом вычеркнул из разговора.

– Разумеется, – фыркнул Юра. – На ваших же лекциях еще в университете. В эту команду шли добровольцы, которые служили фашистам. Им поручали самые жуткие вещи. Люди Арайса заживо сожгли евреев в рижской хоральной синагоге, они же занимались расстрелами в Бикерниекском лесу.

Сердитая Лиза слушала диалог даже не в пол, а в четверть уха, но обратила внимание на реакцию Рюмина: «Это же давно было, его вообще никак не касается, а он переживает».

– Все так. Будем считать, ты был хороший студент, ну или я – хороший учитель, – профессор удовлетворенно кивнул. – Да. К Арайсу шли особые... существа. Я бы не стал их людьми называть. Массовые убийства – на это даже не всякий преступник согласится. Там собрались настоящие подонки, из которых Арайс выпестовал «профессионалов», способных воспринимать расстрелы и пытки как обыденную работу. Когда их услуги потребовались здесь, в Даугавпилсе, они приехали в наше гетто. Этой выездной командой руководил Герберт Мелдерис.

Лиза не могла, не хотела этого слышать: «Или вранье, или старческий маразм! Сколько этому Фишману тогда было? Лет пять? Шесть? Я себя в таком возрасте вообще не помню! Конечно, эти советские обломки готовы любому служившему на стороне немцев приписать разные зверства. Кто дожил – того и правда! А за Мелдериса вступиться некому. Может, он шофером был или механиком. Или где-нибудь в штабе бумажки перебирал. Фишманы разбираться не будут: убийца – и точка!»

– Бронислав Давидович, а в каком возрасте вы попали в гетто? – вежливо, точно врач, поинтересовалась Лиза.

Она старалась не глядеть на профессора, исследуя взглядом старомодную обстановку: дубовый письменный стол с потрескавшимся дерматином вместо сукна, на котором монументом возвышался допотопный монитор, плюшевые портьеры в пол, торшер на витой ноге с махрящимся абажуром, янтарного цвета радиолы «Латвия» с зеленым глазком и желтыми, словно прокуренные зубы, клавишами, часы с кукушкой, ряды книг на полках с корешками всех мыслимых форматов и расцветок.

Профессор задумчиво пожевал блеклым старческим ртом.

– В четыре года... Нам тогда повезло: отправили в гетто, а не застрелили на месте. В первые дни оккупации в Даугавпилсе евреев убивали безо всяких бюрократических проволочек. Некоторых расстреляли, а некоторых просто загнали в одну из городских синагог и подожгли.

У Юры сделалось такое лицо, как будто он сейчас заплачет. Лиза же обратила внимание, что Фишман оккупацией называет власть фашистов – не коммунистов. Ей стало неловко и

стыдно: «Хорошо, что мысли никто не слышит. Если для меня события Второй мировой – лишь исторический материал, то для этого старика – разрушительная детская психотравма».

Какое-то время все молчали. После паузы Рюмин заговорил хриплым голосом, словно за считанные минуты успел простудиться:

– Неужели евреи не понимали, что их ждет?! Гитлеровцы уже тогда по всей Европе... Почему не уехали?!

– Дорогой мой мальчик, вот зачем кричать сейчас? Понимали – не понимали... Те, что поумнее, – ушли, а те, что понаивнее, – остались. Как в анекдоте про умирающего еврея: кто-то непременно должен остаться в лавке. И потом, людям всегда кажется, что именно их как-нибудь пронесет. В Европе – зверства, да. А к нам в Даугавпилс придут совсем другие, «хорошие» немцы. Как в Первую мировую. Тогда ее многие помнили. Недалеко от Двинска – так, милая барышня, звался тогда Даугавпилс – довольно долго проходила линия фронта. Город несколько раз переходил из рук в руки. Сначала тут были российские власти, потом – войска кайзера, затем большевики, латвийская, польская армии... В итоге Двинск вошел в состав Латвийской Республики. Каждая власть к евреям относилась по-своему. Так вот немцы как раз обращались с евреями очень хорошо: например, мэром при них стал Яков Мовшензон. Потом пришла Красная армия, и Мовшензона, конечно же, расстреляли. И вот представьте себе: меньше чем через четверть века немцы возвращаются. Евреи решили, что им дадут нового Яшу Мовшензона, и они заживут как заново родились. Мои родители, например, и не думали бежать. Думали: раз они мирные сапожники, не коммунисты, то кто станет их трогать? В крайнем случае надеялись откупиться. В общем, когда папа с мамой все поняли, было уже поздно...

– А в синагоге? Это команда Арайса? – спросил Рюмин.

– Нет. Это было чисто по-соседски. Пошли слухи, что евреи прячут золото. И конечно, в синагоге – где же еще? Нашлись «очевидцы». В синагогу ворвались, все перевернули, но ничего не нашли. Хочешь сказать, они могли просто уйти? Загнали несколько десятков евреев внутрь, заколотили двери и подожгли. У дверей выставили охранников с белыми повязками на рукавах... Говорят, умирающие кричали так, что было слышно не только в Гайке, но и в центре...

Лиза после этого рассказа совсем притихла и смотрела исключительно в трещину на паркете.

– А когда появилось гетто? – спросил Рюмин.

– Пятнадцатого июля. Тогда новый префект Блузманис издал приказ: всем евреям явиться в предместное укрепление городской крепости. Примечательно, что соседи охотно показывали на еврейские дома. Так сказать, помогали «очистить» город. Не все, конечно... Большинство просто стояли в стороне и наблюдали, как другие избивают, кидают камни, плюют в тех, с кем жили рядом не одно поколение. Знаете, из местных добровольцев даже формировали расстрельные команды. Нацисты только руководили. Основную работу выполняли «сознательные граждане»: искали спрятавшихся, разоблачали евреев, пытавшихся скрыть свое происхождение.

– Как такое могло произойти? – пробормотал Юра. – Конечно, везде есть подонки, но чтобы всем миром...

– Ну-ну, не преувеличивай. Статистически таких было не больше пятнадцати процентов горожан. Остальные просто предпочитали не вмешиваться. И потом, кроме обычных претензий, что ростовщики и Христа распяли, в Даугавпилсе считали, что все евреи за Советскую власть. Даже желтые звезды, которые евреям предписывалосьшивать на одежду, здесь были пятиконечными, а не в виде могоновидов, как в других местах. Еще фашисты вели «разъяснительную работу». Мол, раз жида – поголовно коммунисты, а то и вовсе комиссары, то ясно, кто ответственен за депортацию местных. А это была чушь собачья, потому что многие из высланных как раз были сионистами или евреями из зажиточных: владельцы хороших

домов, магазинов, лавок и складов. В общем, сливки. Их-то в первую очередь и отправили в Сибирь, потому что сталинские репрессии были не национальными, а классовыми.

– Получается, только благодаря депортации и спаслись, – горько усмехнулся Рюмин.

– Да. Такое наше еврейское счастье. – Фишман закричал, прокашлялся. – Палач Сталин спас от палача Гитлера. В Сибири почти все сумели продержаться, а здесь только крохи остались в живых после холокоста...

– Бронислав Давидович, а те евреи, что были за коммунистов, они смогли эвакуироваться до прихода немцев? – спросил Рюмин.

По его тону Лизе показалось, что он обо всем этом и так знает, а этот разговор завел исключительно для нее.

– Какое там! Война началась двадцать второго июня, а уже днем двадцать шестого танковая дивизия Манштейна входила в Даугавпилс. За четыре дня такое важное решение принять да при противоречивых вводных – это, я вам доложу, не каждый готов. Никто не знал, что делать. Указаний же ведь не было никаких. Даже те, кто быстро разобрался, что к чему, не все смогли бежать: старики, больные, у кого-то грудные дети на руках... Из транспорта – только телеги да велосипеды. А в основном – пешком... К тому же выехать из города было только половиной дела. Патриотически настроенные латышские граждане устраивали засады на дорогах, и многие советские солдаты и евреи были ими убиты. А на латвийско-советской границе стояли заградотряды и разворачивали беженцев. Говорили: «Вы паникеры, возвращайтесь назад, Красная армия уже отбила гитлеровцев!» К паспортам цеплялись. Не все успели выправить себе паспорта советского образца, а со старыми удостоверениями – сразу до свидания: «Среди вас могут оказаться шпионы». Даже предупредительный огонь открывали... Оцепление сняли только четвертого июля, когда уходили танки генерала Лелюшенко. Кому-то, конечно, удалось спастись. Мне рассказывал один человек, как он с приятелями перебирался через границу на велосипедах. Их остановили, развернули было обратно, но рядом оказался офицер-артиллерист, попросил помочь переправить пушку через речку. Так и оказались на той стороне. Случай – великое дело!.. Официальные цифры гласят, что из Даугавпилса уехало что-то около трех тысяч евреев. А проживало, согласно переписи, больше одиннадцати тысяч.

– Но не все же, кто попал в гетто, умерли? – подала голос Лиза.

– Не все и до гетто-то дожили! В первый раз постреляли еще в железнодорожном садике, который за тюрьмой «Белый лебедь». Там убили больше тысячи мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет. И наших местных, и заодно заезжих литовских. А уж потом только организовали гетто. Я, когда писал книгу, так часто слушал рассказы про евреев, которые волокли по дороге свои пожитки, перебираясь в это поганое место, что иногда мне кажется, я сам все помню: этих мужчин, нагруженных тюками, женщин с детьми, ковьяющих стариков... Но нет, конечно. Почему-то дорога туда совершенно не отложилась в памяти. И как мы жили до войны, я тоже ничего не помню. А вот про гетто – все сохранилось... Теснота там была невероятнейшая. Под Даугавпилс согнали всех окрестных евреев из Гривы, Вишек, Краславы, Дагды, Резекне – отовсюду... Многие жили прямо под открытым небом. Длинные очереди к ямам-сортирам. Вонючка. Мыться негде и нечем – ни водопровода, ни бани. Мыла, кстати, тоже не было... Разрешали купаться в реке утром и днем. По два часа. Сначала мужчины, потом женщины. Еду готовили во дворе: между камнями разжигали огонь, и на нем что-то могли сварить, если было что. В день полагалось сто двадцать пять граммов хлеба и половник супа – вода с капустой. Спасались лишь за счет тех продуктов, которые удавалось раздобыть на работах в городе и пронести мимо охраны на воротах. Юденрат – так назывался еврейский совет в гетто, если вы, молодые люди, не знаете, – так вот юденрат попытался устроить школу. Не получилось... Но помню, что в одной из казарм собирали детей постарше и учили молитвам. Еще помню, что есть все время хотелось, и еще, что смерть казалась совсем не страшной – такое обычное дело... А когда немцы жгли Тору и Свитки, во дворе вырыли специальную яму, куда

бросали книги. Костер был большой. Я старался подобраться поближе к теплу, но не пускали. И тетя Эсфирь... Ладно, нечего ворошить... Не будем забывать, что я прежде всего историк. Да... Тем, кто сумел устроиться в казармах, приходилось не лучше. Это же не дома были – каменные мешки: без стекол, всегда холодно и промозгло – кашель, ревматизм. Здоровых там через месяц уже не осталось... Нацисты как могли боролись с кучностью. Например, время от времени устраивали «сортировки»: делили людей произвольно на две группы, одна уходила на работы, а вторая – в расход. А в конце июля собрали всех стариков по спискам и куда-то увезли. Говорили, в «специальный лагерь», но конечно, просто расстреляли... В Погулянском лесу, за городом. Там потом все время расстреливали: четыре тысячи в начале августа, тысячу сто – в ноябре. У немцев была строгая отчетность. Даже обручальные кольца, которые снимали с трупов, взвесили и учли – сто пятьдесят пять килограммов. И еще шестьдесят пять кило золотых серег. Я, когда работал над книгой, видел документы СС. Там такие формулировки попадались... «Евреи представляют собой квалифицированную рабочую силу, незаменимую для поддержки хозяйства, особенно военного». Видимо, золото, что с убитых снимали, очень поддерживало немецкое хозяйство... В общем, чтобы выжить в гетто, необходимо было чудо.

– Бронислав Давидович, а вы знали лично тех, кто тогда уцелел? – спросил Рюмин.

– Из близких моих никто не сподобился. – Фишман наклонил подбородок к животу, тихонько раскачивался и кивал. – А так – конечно. Кое-кому удалось сбежать. Обычно такие до конца войны прятались по соседям. Не все же против евреев были. Некоторые, наоборот, спасали. Рисковали собой, детьми своими... Еще бывали всякие случаи. Вот мне рассказывали, как человека уже на расстрел повели, а он стал громко молиться. Офицер посмотрел-послушал и велел его оставить, потому что «раз молится – значит, не коммунист». В общем, разные истории случались...

Профессор замолчал и словно бы потух, как экран при разряженном аккумуляторе. Лиза с облегчением потянулась. Последние полчаса она мечтала закончить этот неприятный визит.

– Спасибо вам, – неубедительно поблагодарила она. – То, что вы рассказали, – чрезвычайно интересно. Я попробую найти вашу книгу в Сети. Еще хотела спросить: а сохранились ли документы, немецкие документы, где можно было бы посмотреть цифры? Наверняка существовали если не расстрельные поименные списки, то хотя бы краткие отчеты: сколько человек казнили, когда, при каких обстоятельствах.

– Нет. Фашисты уничтожили практически все бумаги перед концом войны, в сорок пятом. – Фишман сделал такое движение, словно собрался пожать плечами, но передумал. – Гетто, конечно, перестало существовать гораздо раньше – в мае сорок второго. Первого мая был последний массовый расстрел. Им, кстати, руководил этот ваш Герберт Мелдерис... Известно, что немцы там лишние пули не тратили. Маленьких детей брали за ноги и разбивали им головы о стволы деревьев... В тот день убили пятьсот человек. Маму мою... Ее брат, дядя Иля, уцелел. Он и рассказывал.

– А вы? Как спаслись вы? – без выражения спросила Лиза. Она решила не обращать внимания на слова про Мелдериса.

Профессор довольно долго в молчании рассматривал ее лицо. С каждой секундой он становился все больше похож на усталого блаухаунда, так что девушке стало неловко за вопрос и тот нейтральный тон, которым она его задавала.

– Я жил в гетто до двадцать восьмого апреля. За пару дней перед тем пошли слухи, что немцы сворачиваются, а значит, перебьют всех без лишних церемоний. Мама договорилась с тетей Фирой – двоюродной сестрой отца, которая служила в прачечной для немецких солдат, что она вынесет меня из гетто в большом мешке, с которым ходила на работу. Эта прачечная была в Доме единства – там, где сейчас театр... Тетушка как-то, уж не знаю как, передала меня Лидии Балоде. Эта женщина до войны несколько лет была няней в нашей семье. Я жил в ее

курятнике больше двух лет, до самого освобождения. Помню, что очень боялся дневного света, людей и ни с кем не разговаривал. Врачи думали, что я так и останусь немым.

– Бронислав Давидович, вы сказали, что ваш дядя тоже спасся? – подал голос Рюмин.

– Да. Он и еще несколько человек первого мая утром ушли, как обычно, на работу, а когда вернулись – в гетто уже никого не было. В расход не пустили только мастеров – около пятисот человек. Их поселили в Даугавпилсской крепости. Позже кого перевели в Кайзервальд, кого в другие места. До освобождения из них дожило человек сто, не больше... Дядя Иля был шорником с золотыми руками. Его руки его и спасли. Он побывал везде: в даугавпилском гетто, в лагере Кайзервальд, потом в Данциге, Штутгофе. И везде делал ремни, португепи, даже тенты для офицерских автомобилей. Хорошо делал. Я был еще ребенком, когда как-то спросил у него, разве не было бы правильнее не признаваться фашистам в своем мастерстве, а делать что-то простое, неважное, как другие. Мне тогда казалось, что, если человек работал в лагере на совесть, он тем самым мешал нашей победе. А дядя... Он в ответ спросил, знаю ли я, что в Штутгофе, например, «обычной» работой было набивать автомобильные сиденья волосами казненных женщин?.. М-да... Когда наши войска освободили дядю из лагеря, он вернулся в Даугавпилс и нашел меня. Они с тетей Риммой стали моими вторыми родителями.

Лиза уже совершенно изнемогала от этой душной квартиры, пыльных историй и прочего нафталина, который сочился в этом уездном городе из всех щелей. Она посмотрела на Рюмина: вот он, очевидно, не скучал. Судя по энергичному выражению его лица – так бы слушал и слушал! «И зачем я только повелась?! Еще вчера было ясно, что здесь захолустье: ни историков нормальных, ни архивов. На что я рассчитывала? Скорее обратно в Ригу! Посижу в архивах – разберусь. В конце концов, еще раз поговорю с профессором Упениексом».

– Спасибо, Бронислав Давидович, что уделите мне время. – Она резко встала. – Вы очень-очень помогли. И тебе, Юра, спасибо. Извините, что я так внезапно, но у меня автобус...

Она подцепила сумку и пулей унеслась в прихожую. Растерявшийся Рюмин вышел следом. Она как раз успела зашнуроваться.

– Подожди, я тебя провожу. Только с Фишманом попрощаюсь, – бормотал Юра, беспомощно глядя на мгновенно собравшуюся девушку.

– Не-не-не. Спасибо. Сама доберусь. Я не люблю, когда меня провожают, – жестко отрезала Лиза, открывая дверь. – Спишемся!

Юра послушал, как затихает звук шагов в лестничном пролете, и вернулся в комнату, в которой все еще витал запах ее дезодоранта.

– Вы уж простите меня, Бронислав Давидович! Я только хотел, чтобы она из первых рук...

Рюмин плюхнулся обратно в кресло, мрачно глянул на недопитую Лизину чашку и уткнулся взглядом под ноги.

– Ну и что за глупости ты придумал – извиняться? – Фишман укоризненно покачал головой. – И что за глупости сидеть сейчас здесь, изучая свои тапочки? Лучше бы догонял свою беспокойную подругу. Мне она, кстати, понравилась. Хорошенькая, не дура – чего тебе еще надо? Не понимаю.

Юра взглянул на Фишмана с некоторой обидой.

– А почему вы решили, что не дура? Она же уперлась как овца и никаких аргументов не слушала. Умные люди так не поступают! – Он набычился, сжал зубы. «Нет, дура! Она просто дура! Как можно было так вот просто взять и уйти?! Меня кинула, старого человека обидела. Дура!» – не умолкал внутренний голос.

Профессор, похоже, расслышал его мысли.

– Обижаться на факты – это нормальная реакция юности. Ну не смогла девушка справиться с чувствами, так это не от малого ума, а от того, что чувств в избытке. Она себе этого упыря-Мелдериса уже успела придумать: красавец, летчик, писатель и защитник зверушек.

Практически латышский Экзюпери. Может, даже влюбилась в фантазию свою – у барышень это, знаешь ли, моментально случается, – а тут я...

– Бронислав Давидович, а есть хоть малейшая вероятность, что был еще один Герберт Мелдерис? В смысле что ее летчик и ваш палач – это два разных человека? Бывают же всякие совпадения.

– Юронька, если ты меня сейчас спросишь, есть ли у нас вероятность встретить на улице Ригас динозавра, я отвечу: всякое в жизни бывает. Но в случае с Гербертом Мелдерисом – нет. Никаких совпадений. Это тот человек. И дело не в моих детских воспоминаниях. Люди, с которыми я встречался – те, что рассказывали о нем, – были в здравом уме и в твердой памяти. Они приводили подробности, мелкие детали... Когда твоя жизнь полностью в чьей-то власти, становишься очень внимателен, любой пустяк обретает важность космического масштаба. Все в гетто знали, кем в прошлом был Мелдерис, – никакого секрета из этого не делали. Наоборот. Многие эсэсовцы заискивали перед ним, гордились тем, что приятельствуют с «живой легендой»... Но я тебе скажу вот что: ни один исторический факт не стоит того, чтобы бросать престелстную девицу по имени Елизавета одну-одинешеньку на автовокзале. Поэтому прекращай уже мозолить мои старые глаза и живее отправляйся к ней.

– Вам бы, Бронислав Давидович, в брачное агентство... – Юра помимо воли глуповато улыбнулся и даже покраснел. – Она сказала, что не хочет, чтобы я ее провожал. В конце концов, может быть, я ей не нравлюсь.

– Нрависься. За это даже не беспокойся. И хватит уже просиживать кресло. Беги уже!

– Прогоняете, значит, – укоризненно покачал головой Юра.

– Не то слово!

Фишман встал, подошел к молодому человеку и аккуратно приобнял его за плечи сухими короткими ручками, одновременно подталкивая к выходу. Рюмин засмеялся, обнял профессора в ответ и побежал вниз по лестнице, с каждым шагом набирая ускорение.

Сначала Рюмин шел к автовокзалу довольно быстро, но через некоторое время замедлил ход, а потом и вовсе замер, задумавшись. Не то чтобы он не доверял словам учителя, но Фишман вполне мог и ошибаться. Возможно, Юра ей совсем не понравился. Но даже если понравился, то это вовсе не означало, что она будет рада видеть его после того, как сама же просила не провожать... В любом случае не стоило появляться перед ней на вокзале супергероем из комикса. Рюмин написал ей в мессенджере. Потом не сдержался и позвонил. Лиза не ответила. Он хотел было набрать ее номер еще раз, но вовремя остановился – вдруг решит, что он слишком назойлив. В конце концов, ну что в ней такого? Просто девчонка. Разве что из Питера – экзотика. Безусловно, она Юре понравилась, даже очень. Но вот то беспокойное чувство, которое заставляло его каждые пять секунд проверять сообщения, ему не понравилось совершенно. Было необходимо срочно перестать думать о ней, переключиться на что-то другое... В этот момент в кармане загудел телефон. Рюмин достал его так быстро, что чуть не выронил на асфальт. Увы, звонил редактор.

– Юрий? Срочно! Ты в городе? Давай пулей в Думу! Там сейчас премьер выступает. Запиши что успеешь. Потом будет прессуха. Я жду от тебя парочку вопросов пожестче. И пусть он ответит. Не дай соскочить! В общем, сам все знаешь. Отбой.

Рюмин даже не успел слово вернуть.

«Чертов премьер! Чертов редактор! – злился он про себя, неспешно направляясь к зданию Городской думы. – Почему чуть что – сразу я? У меня выходной сегодня, между прочим. Мог же сказать, что на даче или вообще в Вильнюс уехал с друзьями. Но нет! Непременно надо правду! Идиот!»

У двухэтажного здания из темно-красного кирпича с белым декором, игнорируя запрещающие знаки, плотно льнули друг к другу дорогие лимузины, что было верной приметой присутствия чиновника самого высокого ранга. Рюмин раскланялся с белокуроыми дамами,

охранявшими проходную в коридоры власти – они хорошо знали Юру в лицо, даже удостоверение не попросили. Он быстро поднялся по лестнице на второй этаж, махнул редакционными корочками перед томящейся скукой охраной премьеры и с разбегу уткнулся в густую толпу, которая заполняла весь узкий коридор и закуток перед входом в конференц-зал.

В последние несколько лет, благодаря редактору, который нещадно гонял молодого журналиста на подобные мероприятия, Рюмин научился мастерски маневрировать в плотных народных массах. Главное было сохранять на лице выражение «имею право», проталкиваться твердо и уверенно, не останавливаться и извиняться не слишком часто. В общем, через семь с половиной минут он уже стоял в центральном проходе конференц-зала, буквально в двух шагах от низкой полукруглой сцены.

Премьер опирался руками на трибуну и, как обычно, не зажигал: говорил в микрофон скучно, монотонно, то и дело подглядывая в распечатку. И сам был скучный: серый костюм, серый галстук, серое лицо, серые волосы. От его тембра голоса и манеры говорить Рюмина сразу же стало клонить в сон, так что даже хорошо, что приходилось слушать стоя.

– Каждое местное самоуправление – неотъемлемая часть Латвии, – вещал премьер. – И каждый муниципалитет способен внести свой вклад в реформы, которые мы проводим для долгосрочного развития Латвии, в том числе регионального. Правительство заявило и осуществляет реформы в таких важных сферах, как налоговая система, здравоохранение, образование и наука, госуправление. Особо хочу выделить необходимость реформирования системы образования...

Последняя фраза прозвучала для Юрия, как сигнал будильника. Мысли в его голове перестали течь плавно, заострились и выстроились в боевой порядок. Он выпрямился, слегка подался вперед и стал слушать очень внимательно, пытаясь вникнуть в ускользающий смысл произносимых слов. Между тем речь подходила к концу.

– ...дальнейшее развитие различных форм образования играет важную роль в формировании направлений прогрессивного развития. Мы живем в особом экономическом пространстве. С одной стороны, предприниматели жалуются на нехватку рабочей силы в очень многих отраслях. С другой – говорят о бедности и нехватке рабочих мест. Латвийские муниципалитеты очень отличаются друг от друга по числу жителей, географическому местоположению, экономическому потенциалу и многим другим показателям, но каждый из них является частью государства. Если у кого-то из присутствующих есть вопросы, я с радостью готов на них ответить. Прошу вас, не стесняйтесь.

Премьер сдержанно улыбнулся и сделал рукой приглашающий жест.

Пока коллеги выжидали положенную паузу, как бы обдумывая слова оратора, Юрий уже ринулся в атаку.

– Юрийс Рюминс, газета «Сегодня». Господин Кариньш, скажите, пожалуйста, почему вы так торопитесь изгнать русский язык из школ нацменьшинств? Чем русские школьники так перед вами провинились?

Премьер изобразил вежливое недоумение. Мэр и прочие городские чины в хороших костюмах негодующе переглянулись, зашелестели в президиуме: «Кто впустил?», «Что за провокация?» Однако вопрос уже прозвучал и требовал ответа. Телевизионщики, почуяв скандал, с интересом брали Юрин крупный план. Клацали затворами фотоаппараты.

– Язык, – продолжал вежливо недоумевать премьер. – Язык – это тот элемент, который объединяет нацию и создает ее идентичность. Только сплоченное общество может успешно развиваться. Поэтому в интересах Латвии добиваться, чтобы все живущие в нашей стране люди владели латышским языком.

Но Юру уже было не удержать.

– Как билингвальное обучение может помешать детям учить латышский язык? Почему вы игнорируете акции протеста и митинги? На них ходит народ. Народ Латвии, о котором вы сейчас говорили.

– При чем здесь народ?! – Кариньш начал горячиться. – Эти протесты срежиссированы! Срежиссированы Кремлем! Это хорошо продуманные и тщательно спланированные акции, направленные на дискредитацию власти, что было видно с самого начала. Известно, что представители «Русского союза Латвии» побывали в Москве, в Госдуме. Конечно же, Россия крайне заинтересована сохранять удельный вес той части латвийской молодежи, которая слабо знает государственный язык. Именно эта часть нашего общества, наиболее внушаемая и чувствительная – а сейчас это примерно двадцать процентов, – главная мишень пропутинской пропаганды.

– Но, господин Кариньш...

– Извините, я должен ответить и на другие вопросы, – отвернулся от Рюмина премьер.

Камеры как по команде тоже разочарованно отвернулись. Дальше оставаться было бессмысленно. Очевидно, что крутануть главу правительства еще по какой-нибудь неудобной теме больше Юре не удастся. Он стал пробираться к выходу.

Обратное движение сквозь толпу было математически бесстрастным, без улыбок и извинений. Через пару минут Юра выкатился наружу и с облегчением вздохнул: «Ну все! Больше никакой работы до завтра!»

На улице он первым делом посмотрел в телефон: Лиза не написала и не перезвонила.

«Ну и ладно! Пусть катится! В Ригу, в Питер – к черту! Можно подумать, кроме нее, других девок нет! И не до нее сейчас. Надо статью про премьера сделать...»

Однако вместо того чтобы пойти домой к компьютеру работать, Юрий направился к автовокзалу. Там он около часа бесцельно шатался, подпирал стенку, курил и рассматривал отъезжающих. Он проводил рижский автобус, убедился, что Лиза на нем не поехала, и уже подумывал, не дожидаться ли следующего. Потом мысли его переключились на поезд. Решил прогуляться до железнодорожной станции. Окончательно разозлился на себя и стал набирать длинное и бессвязное сообщение. Отправить его помешал телефонный звонок.

– Юрка, привет! Ты где? Что делаешь? – радостно забулькал в трубке голос Егорыча. – Бросай все и дуй ко мне! Не, не домой. Прямо в гараж иди. Наши уже все собрались. Праздновать будем! Как что? Тебя в новостях крутят! Как ты Кариньша интервьюировал. Виктор говорит, что это политический капитал, который пригодится партии. Особенно если за тебя возьмется госбезопасность. Это он так шутит. В общем, скорей иди уже.

– А выпить у вас есть?

– Все у нас есть. Только тебя нет. Давай не тормози!

– Ладно, скоро буду.

Юрий с облегчением рванул в сторону трамвайной остановки. Какое счастье, что есть друзья, которые спасут и от любви, и от работы.

Глава 6

Герберт с трудом отлепил голову от подушки: лицо опухло, глаза едва проглядывали из-под нависших век, волосы всклокочены. Да и сама постель – влажная, потная, замятая беспокойными складками, словно он не спал, а всю ночь таился там от опасного врага. В общем, состояние напоминало тяжелое похмелье, однако он давно не употреблял. Даже с пивом соблюдал умеренность. При такой жизни стоит немного ослабить волю, разрешить себе – и ты уже вечно пьяная трясущаяся развалина, жалкий недочеловечишко. Сколько его товарищей пошло по этому пути – не сосчитать! Но Мелдерис никогда не забывал, что он – ариец. Он должен быть безупречным.

Последнее время это давалось ему непросто. Шла война, и хотя в Даугавпилсе не велось боев, здесь проходил другой фронт, неявный, но от того не менее тяжелый. А ведь Герберт уже не молод. Конечно, телом он оставался крепок, но духом... Или возраст ни при чем? Просто совершенно невозможно отдохнуть, отвлечься, посидеть с легким романом у печки, подышать сосновым смолистым ветром по дороге в Стропы. Ночью Мелдериса изматывали проклятые сны, а днем он не мог избавиться от назойливых воспоминаний.

Последние месяцы для кого угодно могли стать кошмаром, а он не стальной. К тому же совершенно неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы дочиста отмыть Латвию от жидовского налета и коммунистической ржавчины. Когда кончится война – тоже неясно. Как ему рассчитать запас собственной прочности, душевных сил, чтобы хватило пожить потом?..

Мелдерис поднялся, уцепившись правой рукой за тумбочку у кровати. Под пальцами зашуршала бумага – номер газеты «Курземское слово». Интересно, как долго она там пылится? Пока Герберт зевал и почесывался, он машинально пробежал глазами по строчкам. Передовица гласила: «Латышский народ никогда не освободился бы от жидовского ярма, если бы в Латвию не вошли наши освободители – немецкие вооруженные силы... следует очиститься от жидовских нечистот... расово неполноценного элемента... свободно строить свою жизнь... новый порядок в Европе».

Босые ноги неприятно скользнули по холодному полу. Раньше он сделал бы зарядку, непременно с гантелями, а после окатил бы себя ледяной водой из ведра, а теперь – нет. Крикнул принести горячей воды, намылил кисточку, побрился, косясь глазом в квадратик мутного зеркала, поплескал в горящее после бритья лицо из умывальника, прополоскал рот, сплюнул, пригладил мокрыми руками волосы и сверху смазал бриолином – офицер все-таки.

«Точно – возраст, – подумал Герберт. – Если сейчас уже так, то что же дальше? А дальше наверняка хуже и хуже...» Он представил себя лет через двадцать пять. Ему будет далеко за шестьдесят – старик. Сейчас бы жить... Он одернул себя: весь мир воюет – глупо планировать будущее. Сейчас он здесь, в Даугавпилсе, но кто знает, куда отправят его завтра? Впрочем, большевики отступают, и Мелдерис надеялся, что их полный разгром – вопрос ближайшего времени.

Из-за стены доносились неразборчивые голоса, слышался топот сапог. Это проснулось чертово гетто: зашевелилось, заворошилось жалким бытком, забормотало испуганным шепотом. Герберт старался никогда не думать об этих существах по отдельности. Он относился к гетто как к болоту, которое его отправили осушать. Или как к полю, поросшему сорняками. Землю следовало прополоть и удобрить, чтобы там росли здоровые, благородные культуры.

Конечно, это была грязная работа – сам себе такую не выберешь! Но кто-то же должен... Часть его существа по-прежнему не могла смириться, привыкнуть. Он невольно вычленял из человеческой массы, которую пускал в расход, отдельные лица. Эти лица потом выскакивали из памяти в самых неожиданных ситуациях. Тогда подкатывала тошнота, и он до изнеможения блевал, пытаясь извергнуть из себя воспоминания вместе с желудочным соком. Лучше бы его

послали на фронт! Воевать – честное дело, мужское. Солдат на солдата – равные шансы выжить и умереть.

Как много бы он отдал, чтобы эта служба закончилась поскорее, а лучше всего – вообще оказалась сном. Он же летчик, его место – в небе, в кабине самолета. Что он делает здесь, в аду?! Да то же, что и в Риге! Он занимается этим практически с того дня, как немцы вошли в Латвию. Согласен ли он? Разве кто-то спрашивал самого Мелдериса? Нет конечно. И потом, он уже ни в чем не был уверен. Ему все время казалось, что немецкие методы слишком радикальны. Или даже бессмысленно жестоки. Герберт почти перестал спать... Наверняка в гениальном мозгу фюрера есть разумное и четкое объяснение тому, что происходит сейчас. Наверняка Герберт просто недостаточно умен, плохо образован, слишком увяз в гуманистических предрассудках, чтобы видеть, какое прекрасное будущее ждет человечество после этой кровавой жатвы. Он только скальпель в руках хирурга – великого Адольфа Гитлера. Или не только?

Этим утром Мелдерис слишком пристально посмотрел правде в глаза. То, что он делал, точнее делали они с Виктором, не всегда случалось по приказу. Многое раньше и теперь зависело от их воли, находилось в их власти. Особенно тогда, в начале июля...

Герберт оделся: рубашка, галстук, темно-серый китель, галифе, сапоги, ремень с кобурой, фуражка. Надо заставить мысли умолкнуть, иначе он не сможет работать. Жиды, а за ними и коммунисты, пришли незванными, осели здесь, на его родине, в Латвии, проросли, закрепились, завели свои порядки. Но он, Мелдерис, не зарился на чужое. Он был на своей земле, а они – паразиты, кукушкины дети, что выпихивают из гнезда птенцов и жируют, обманом получая приют и заботу... Вообще, в военное время преступно миндальничать.

Герберт огладил складки на форме и вышел за дверь.

Сегодня никаких особенных дел не намечалось. Последняя операция по сокращению еврейского элемента прошла несколько дней назад в Межциемсе. До следующей – примерно недели две-три.

На глаза попался Биркс, который мгновенно вытянулся во фрунт, вскинул руку в приветствии.

– Вольно, – буркнул Герберт.

Сегодня, пожалуй, ему стоит провести инспекцию гетто, чтобы прикинуть, когда лучше назначить следующую «чистку». «Чистка» – самое неподходящее слово для этого места. Здесь нет ничего чистого. Даже там, где расквартированы служащие, воздух пахнет гнилью, грязью, болезнями, дерьмом. И почему его поселили именно тут: в сырости, при отсутствии даже мизерного уюта?! Мелдерису как начальнику могли бы позволить снять квартиру где-нибудь в городе. Но нет, Заубе и Табберт настояли, чтобы он жил внутри огады, словно он часть этой клоаки.

Ему вспомнился первый разговор с комендантом Заубе, когда Герберт только приехал в Даугавпилс со своей командой.

– Откровенно говоря, господин капитан, – говорил ему комендант, доверительно подцепив под локоть, – я вами восхищаюсь. Вы настоящий герой, сверхчеловек! На ваши плечи лег труд, который мало кому по силам.

Они оба были латышами, и это как будто располагало к взаимному доверию. Герберт рискнул спросить:

– А что же оберштурмфюрер⁶ Табберт? Неужели здесь столько работы, что потребовалось вызывать нас?

– Ах, дорогой господин Мелдерис! Ни у Табберта, ни у меня в распоряжении нет профессионалов. – Заубе картинно развел руками. – А подразделение майора Арайса так хорошо

⁶ Оберштурмфюрер (нем. Obersturmführer) – звание в СС и СД, соответствовало званию обер-лейтенанта вермахта.

зарекомендовало себя в Риге, что, конечно же, мы ходатайствовали, чтобы вас с вашими молодцами отправили сюда.

Герберт чуть заметно пожал плечами – этот жест можно было истолковать как угодно.

Интонация, полная взаимных реверансов, сменилась, как только комендант показал комнату и предложил Мелдерису «располагаться».

– Воля ваша, но жить в таких условиях мне, офицеру, просто невозможно. Вы на самом деле собираетесь поселить меня здесь?!

– Я понимаю вас. Поверьте. Понимаю и разделяю отчасти ваше... недоумение. Но выбор квартиры связан с известной... ммм... конфиденциальностью вашей работы. Поймите: чем меньше людей будет знать о вашем пребывании здесь, тем лучше!

– Не хотите привлечь лишнее внимание к операциям по устранению?

– Разумеется. Не то чтобы в городе было много сочувствующих евреям, но все же...

Этот аргумент тогда показался Мелдерису достаточным, и он остался жить при гетто. Табберт настаивал, чтобы всеми расстрелами Герберт руководил лично, и эти «операции» были единственной причиной, по которой он покидал еврейскую территорию.

Здесь, в даугавпилском гетто, он уже бывал раньше – в сентябре. Сразу стало понятно, что местное подразделение не справляется – нужна помощь. Герберт приехал один, без своих людей. Он получил приказ просто «ознакомиться с ситуацией».

Однако Мелдериса немедленно взяли в оборот – попросили найти подходящее место для ликвидации. Как будто здесь, в Даугавпилсе, не было своего знающего человека! Требовалось подыскать площадку за городской чертой, но не в самом гетто – это могло бы спровоцировать нежелательные волнения контингента и разные издержки санитарного характера. Герберт сразу понял, что местному начальству просто было лень приподнять задницы с кожаных кресел и прокатиться по окрестностям, но мнение свое оставил при себе. Ему-то найти подходящий участок было нетрудно. Еще в досоветские времена он объезжал предместья Даугавпилса, когда искал поле под аэродром – исколесил все вдоль и поперек.

В общем, лучше места, чем Погулянка, для массовых расстрелов было не придумать: полчаса ходьбы от города, лес, железнодорожная станция рядом. Станция удобна тем, что можно привозить евреев не только из Даугавпилса, но и из других мест. Неподалеку, правда, находилась деревенька Визбули, но несколько крестьянских дворов вряд ли помешают. На всякий случай Герберт прикинул запасные варианты: около городского льнозавода и в Старофорштадтском лесу. Он предусмотрительно велел подготовить ямы заранее во всех трех местах. Заубе и Табберт руководили первыми акциями, а Мелдерис вернулся обратно в Ригу. Тогда все прошло спокойно, в городе ничего не узнали.

Герберт стал настоящим профессионалом. Мог действовать как машина, без лишних сантиментов. Что-то непоправимо надорвалось в нем еще во время первых «акций». После того как они с Виктором сожгли хоральную синагогу, он жил будто не по-настоящему – словно смотрел кино, где сам был актером.

С Виктором Мелдерис познакомился за пару месяцев до войны.

В пивной на Дзирнаву было тесновато, и он оказался за одним столиком с мужчиной лет тридцати – высоким, широкоплечим, крепким, с хорошим открытым лицом. Герберт невольно почувствовал расположение: на таких, подумал он, заглядываются не только женщины, но и мужчины. Тогда большевики хозяйничали повсюду, и бывший летчик предпочитал молчать даже с хорошими знакомыми. Но с этим человеком Герберт почему-то разговорился. Тем более что собеседник выказал подробное знакомство с его биографией и восхищался его прежними подвигами. Больше всего Мелдериса подкупило то, что Виктор был, судя по всему, доверчив как младенец – выложил ему про себя все в первые же пятнадцать минут. Родился в Балдоне в семье кузнеца, отец – латыш, мать – немка, после войны какое-то время болтался в беспризорниках, потом удалось устроиться батраком на хутор. Пятнадцати лет от роду впервые сел за

парту: сначала школа, затем гимназия. Учиться старался превосходно, так как страстно желал вырваться из нищеты. Пошел в армию, дослужился до капрала, демобилизовался, чтобы поступить на юридический в Латвийский университет, а окончив, устроился на работу в полицию.

Мелдерис пил пиво и сочувственно кивал: история тронула его, отозвалась собственными юношескими мечтами о небе, о славе, о достатке.

Виктор был моложе на целых десять лет – может быть, поэтому власть большевиков он вначале принял довольно лояльно. Снова поступил в университет, успешно сдав экзамен по марксизму-ленинизму, и получил диплом юриста советского образца.

Однако к моменту встречи с Гербертом Виктор не просто разочаровался в новом социальном укладе. Он открыто фрондировал:

– Сначала я думал: вот власть, при которой всем будет хорошо. Да, я простой парень. Я верил тому, что коммунисты говорили. И не я один. Я, словно идиот, ждал светлого будущего, а они начали арестовывать!.. Господин Мелдерис, красные метут не разбирая, словно они – метла, а люди – мусор. Недавно схватили адвоката, у которого я работал... А он был славный, честный парень.

Виктор обвел взглядом пивную, нервно сглотнул и наклонился к самому Гербертову уху:

– Я уверен, вы меня понимаете. При Ульманисе вы были национальным героем, кумиром – и заслуженно! А сейчас?! Я заметил, как вы заволновались, когда я вас узнал. Подумайте: если даже вам, герою, приходится прятаться и опасаться, то значит, никто не в безопасности. Никто! Ничего хорошего при большевиках не будет... Провались они к черту!

Мелдерис неопределенно покачал головой. Это движение можно было истолковать как угодно. Виктор принял его за согласие и продолжил:

– Вы когда-нибудь слышали об организации «Стражи отечества»?

Он по-прежнему шептал, но теперь его горячее дыхание нервировало Герберта. Мелькнула мысль: не агент ли НКВД этот славный малый? Специально подослали, чтобы спровоцировать его, Мелдериса, на неосторожные, нелояльные высказывания? Он собрался было уйти, но почему-то передумал. В конце концов, если и агент – прежде чем съесть рыбку, надо ее поймать. Он пожал плечами и безмятежно посмотрел на Виктора.

– Нет, не слышал. И, честно говоря, не вижу смысла обсуждать нынешнюю власть: как бы то ни было – нам с ней жить.

– Вы мне не доверяете. – Виктор нахохлился, как мокрый воробей. – Что ж, имеете право. Сейчас никто никому не доверяет. Не могу вас осуждать. Искренне надеюсь, что у вас все будет хорошо. Будет жаль, если красные шлепнут вас как сторонника прежнего режима. А я лично уезжаю в деревню. Хватит с меня Риги!

Тогда, попрощавшись с Виктором, Герберт и думать о нем забыл. Его странный недороман с Магдой занимал все свободные вечера и свободные мысли. Интересно, что с ней теперь? Не так уж много времени прошло – если, конечно, по мирному счету. В войну дни считаешь иначе. В общем, уже вечность, как он ничего о ней не слышал.

Герберт зашел в столовую для охранников. Взял себе овсянку, творог, мармелад и чай. Едва он успел съесть пару ложек каши, принесло Табберта.

– Хайль Гитлер!

– Доброе утро, герр Мелдерис! – Он уселся напротив. – Пожалуйста, продолжайте свой завтрак. Я к вам с новостями.

Герберт посмотрел на Отто Табберта – скучное продолговатое лицо оберштурмфюрера, как обычно, ничего не выражало. Покачал головой:

– И какую новость вы принесли? Хорошую или плохую?

– Ну это как посмотреть... Приказано ликвидировать наше учреждение. Там, – Отто выставил указательный палец вверх, – решили, что нет надобности содержать здесь евреев в

таком количестве. Экономически неоправданно. Ну вы же понимаете, у нас сейчас экономия превыше прочих мотивов.

– И как предписано поступить с контингентом? Развезти по другим лагерям или здесь утилизировать? Сразу скажу: если второе, то мне понадобятся дополнительные люди. Моих не хватит, чтобы выполнить приказ в короткие сроки. Одна подготовка на местности отнимает кучу времени и рабочих рук.

Герберт разозлился. Так всегда: прикажут – вынь да положь. А как это сделать, и возможно ли это вообще – не подумают разобраться.

Табберт заметил его недовольную мину и покровительственно похлопал по плечу.

– Самых ценных – мастеров с высокой квалификацией – решено оставить. Остальных – в расход. Но вы не беспокойтесь. В вашем распоряжении еще целый месяц. Учреждение должно быть полностью расформировано к началу мая. За это время управимся?

– Да. Месяца хватит, – мгновенно остыл Мелдерис. – За месяц даже без спешки управимся.

Если гетто закроют, больше не будет смысла торчать в этом осточертевшем Даугавпилсе, он сможет вернуться в Ригу. Что ж, новость Табберта – хорошая новость.

Он подумал о своих рижских знакомых, о превосходном пиве в ресторанчике на набережной, о Магде. Несколько месяцев он даже не вспоминал о ее существовании, а сегодня – уже второй раз за утро. Что-то сладко кольнуло внутри. Неужели он еще способен на чувства?

Оберштурмфюрер попрощался, а Герберт продолжил ковырять остывшую кашу.

На этот раз потревоженная память вместо воспоминаний о приятных вечерах в кругу семьи Медемс извлекла на свет историю совсем иного свойства. Мелдерису вспомнился день первого июля сорок первого, когда Рига праздновала освобождение от Советов. День, когда его, национального героя Латвии, летчика с мировым именем, чистокровного арийца Герберта Мелдериса, едва не казнили свои же. Безвластие, разгоряченная толпа и абсурдное обвинение – самое опасное сочетание.

«Большевистский шпион!» – он немедленно вспомнил бьющие в уши вопли, даже почувствовал песье дыхание парней, крутивших ему руки за спиной. Мелькнуло сожаление о совсем новой недавно купленной шляпе, растоптанной и сгинувшей в потасовке. Чудо, что его тогда не прикончили на месте, а отвели в полицейскую префектуру, в Угловой дом. Как раз туда, где по иронии судьбы за полгода до этого он уже однажды ожидал расправы, но от НКВД.

Пока в сопровождении четверых дюжих парней и коротышки-дворника Герберт шагал к углу улиц Бривибас и Стабу, он молился от страха. И сейчас ему не стыдно вспоминать об этом: есть такие минуты, когда любой храбрец имеет право испугаться. Вокруг то и дело вспыхивали драки с поножовщиной и стрельбой, пьяное мужичье громило и грабило магазины – чернь спешила воспользоваться безнаказанностью. Конвоиры Мелдериса откровенно сожалели, что не могут принять участие в общей вакханалии. Он чувствовал: любой повод – и они тут же порешат его, не дожидаясь никакого разбирательства.

Когда наконец дошли до Углового дома, Герберт испытал такой прилив нежности к помпезному шестиэтажному зданию в духе неоклассицизма, словно встретил старого друга. Он почему-то рассчитывал, что здесь сохранился порядок, и немецкие власти во всем быстро разберутся. Однако восстанавливать справедливость никто не спешил – он оказался в подвале, в крошечной душевой камере, где уже изнемогали от неизвестности трое бедолаг в вылинявших мятых пиджаках, засаленных поддевах и растянутых на коленях штанах, заправленных в сапоги. Мелдерис просидел там почти сутки. Их не кормили и не выводили. Один раз принесли воды, и на том спасибо. Ночью никто не сомкнул глаз: сидели молча, каждый в своем углу, скованные страхом. Было логично предположить, что в суматохе немцы не станут разбираться, кто действительно большевик, а кто случайно попал под раздачу. Наутро выведут во двор и – «Лицом к стене!».

Неизвестность тяготила Мелдериса гораздо больше, чем голод, бессонница или гнилостная вонь отхожего места и отсыревшей штукатурки. Даже поделиться тревогой ему было не с кем: соседи по камере, как он понял из их редких реплик, были сторонниками коммунистов. К утру Герберт так устал от своих страхов, что задремал, скрючившись на краю железной шконки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.